

Н.

БИБЛИОГРАФІЯ.

**L'Oeuvre de M. de Bismark, 1863—1866. Sa-
dowa et la campagne des sept jours.** Par J. Vilbort. Paris
1869. (Дѣло г. фонъ Бисмарка 1863—1866. Садовая и
семидневная кампанія. Соч. Ж. Вильбортъ. Парижъ 1869).

Авторъ этой книги былъ сотрудничникомъ сначала въ газетѣ «Opinion Nationale», которая, подъ редакціей Геру, жарко отстаивала объединеніе Италіи и поддерживала, въ таковомъ же смыслѣ, Германіи; потомъ Вильбортъ перешелъ въ редакцію демократической газетки «Siècle», также стоявшей за единство Австрийскаго Полуострова, но, между разбродеженной въ Германіи или, точнѣе, въ Пруссіи и къ политикѣ Бисмарка. Когда война между Пруссіей и Австріей озна-
чала неизбежное рожденіе газеты «Siècle» отъ имени Вильборта, ко-
рреспондентомъ въ Германію и въ Пруссію, и онъ, крѣпко сдѣлавъ состоятъ,
въ продолженіе боевой кампаніи, при главнѣйшей трибунѣ квартиръ,
разсказывающъ, въ повѣствованіи, о своихъ личныя наблюденія и при-
знанія, въ связи съ историческими событіями. Бисмаркъ, въ
показывающъ, и загадливо, и вкрадливо, и разумно, и нерешительную
роль въ разсказѣ Вильборта; но и другимъ дѣйствующимъ ли-
цамъ отведено мѣсто, и скорѣе, но, въ значеніи и вліяніи на ходъ
политическихъ и военныхъ дѣлъ.

Авторъ разсказываетъ «Дѣло г. фонъ Бисмарка» на двѣ половины:
Германію до Садовой и Германію послѣ Садовой. Предварительно
Т. LXXV. Стр. II.

онъ бросаетъ взглядъ на Германію 1815 года, на германскую конфедерацию и Франкфуртскій сеймъ; затѣмъ излагаетъ происхожденіе унитарнаго германскаго движенія, говоритъ о революціи 1848 года, о реакціи 1850 года, о различныхъ попыткахъ федеральной реформы, о конгрессѣ нѣмецкихъ государей во Франкфуртѣ, о союзной реформѣ, предложенной Австріей въ 1863 году, и, послѣ этого историческаго очерка, переходитъ къ появленію на политической сценѣ Бисмарка.

Напоминая, что еще въ 1848 году министр прусскаго короля Радовицъ возбуждалъ мыслѣ о ~~фрусскѣ~~ ~~нѣмецкѣ~~ союзѣ, то есть о союзѣ или о союзѣ между известнымъ числомъ германскихъ государствъ, за исключеніемъ Австріи, о такомъ союзѣ, въ которомъ Прусія имѣла бы первенство политическое, военное и дипломатическое, авторъ замѣчаетъ по этому поводу, что если Бисмаркъ нашелъ средство вытѣснить Австрію изъ Германіи, то первая мысль о столь смѣломъ предпріятіи не принадлежитъ собственно ему. Еще со временъ Фридриха II, идея о прусской гегемоніи въ средѣ германскихъ государствъ была честолюбивѣе, волею, традиціонною страстію въ домѣ Гогенцолерновъ, и эта идея, до 1866 года, до часа рѣшительнаго дѣйствія, прошла чрезъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ формъ, болѣе или менѣе широкихъ или узкихъ. Государя, министры, политики, чиновники всѣхъ степеней, генералы и офицеры преслѣдовали задуманную цѣль съ непоколебимою настойчивостію магнитной иглы, обращающейся къ сѣверу. И однакожь, когда, въ 1849 году, Гогенцолернамъ представился случай осуществить мечту столь долго и столь пламенно желаемую, осуществить ее при единодушныхъ восклицаніяхъ нѣмецкаго народа, этому помѣшало не уваженіе къ трактатамъ, ни даже страхъ предъ мнимымъ могуществомъ Австріи, а просто нежеланіе короля Фридриха-Вильгельма IV принять императорскую корону изъ рукъ революціи. Слѣдствіемъ отказа короля было возвышеніе Австріи и ея первенствующее значеніе въ Германіи, такъ что реформа Германскаго Союза, предложенная, въ августѣ 1863 года, на Франкфуртскомъ сеймѣ императоромъ Францемъ-Иосифомъ, имѣла прямую цѣль: низвести Прусію на вторую степеню, а Австрію поставитъ на первую, чтобы она безраздѣльно господствовала надъ всею Германіей.

Въ это-то время выступилъ Бисмаркъ на политическую сцену и съ перваго же приѣзда обнаружилъ необыкновенную и никѣмъ не ожидаемую смѣлость. Отклонивъ для короля Вильгельма приглашеніе императора Франца-Иосифа принять участіе во Франкфуртскомъ сей-

ка, и возобновить, въ депешѣ отъ 14-го августа 1863 года, заявление, уже сдѣланное Пруссіей въ сеймовомъ засѣданіи 22-го января того же года, Бисмаркъ потверждалъ отказъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Только въ *представительствѣ германскаго народа, и только черезъ нѣтъ прямыхъ выборовъ, соразвѣрно населенію каждаго государства, съ совѣщательскими содѣйствіемъ въ дѣлахъ федеральными, я признаю основу учреждений, въ пользу которыхъ прусское правительство могло бы, въ значительной мѣрѣ, отказаться отъ своей независимости*».

Какимъ же образомъ, графъ Бисмаркъ фонъ Шенгаузенъ, представитель юнкерства, воспитанный въ помѣщеніи Австріи, отъявленный врагъ революціи, балованное дитя феодальной партіи, тотъ, котораго не признавали серьезнымъ государственнымъ человекомъ, потому что онъ говорилъ о пересозданіи Германіи «железомъ и огнемъ», какимъ образомъ этотъ дипломатъ-фантазеръ, заставлявшій улыбаться посѣдѣлыхъ политиковъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и Біаррицѣ, когда онъ излагалъ предъ ними, живописно-остроумнымъ языкомъ, свои планы, какимъ образомъ этотъ «рыцарь Креста», препитанный старинными предрассудками, вдругъ, къ великому соблазну своей бранденбургской родни, провозгласилъ предъ Германіей и предъ Европою принципъ революціи, верховную волю народа? Какими доводами убѣдилъ онъ короля Вильгельма I не противиться воззванію къ народу, торжественному заявленію народнаго права?...

Самъ Бисмаркъ объяснилъ это въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ авторомъ въ первыхъ числахъ іюня 1866 года. Мы приводимъ ниже эту замѣчательную исповѣдь государственнаго человека, а теперь сдѣлаемъ нѣсколько общихъ указаній, поясняющихъ тѣ затруднительныя обстоятельства, среди которыхъ Бисмаркъ сдѣлалъ первый отважный шагъ.

Бисмаркъ видѣлъ въ устройствѣ Германскаго Союза «недугъ Пруссіи, который, рано или поздно, придется лечить железомъ и огнемъ, если не будетъ предпринято во-время благотворное леченіе». Онъ убѣждалъ Шлейница—тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ — и прусское правительство воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы «не колеблясь поднять перчатку»; но воспользовался такимъ случаемъ самъ и поднялъ перчатку Австріи, парализовавъ проектъ реформы, представленный конгрессу государей императоромъ Францомъ-Юсифомъ и провозгласивъ принципъ представительства германскаго народа. Дѣ же прусскіе либералы и почти всѣ члены «Национальферейна» возстали противъ политики

федеральной реформы посредством «железа и огня». Берлинскіе либералы видѣли въ Бисмаркѣ опаснаго безумца, который хотѣлъ произвести пожаръ въ Германіи, а можетъ быть и въ Европѣ, ставя на карту всю судьбу Пруссіи. Люди «Національферейна», съ своей стороны, отвергали всякую братоубійственную войну; они ужасались крови, которую готовъ былъ пролить Бисмаркъ, и 20-го мая 1866 года, депутаты нѣмецкихъ палатъ, собравшіеся на франкфуртскомъ конгрессѣ, высказались рѣшительно противъ войны. Между тѣмъ, въ Берлинѣ короля Вильгельма осаждали петиціями сохранить миръ; высочія фамильныя вліянія, то, что Бисмаркъ называлъ «le cousinage», дѣйствовали въ томъ же смыслѣ; наконецъ въ Берлинѣ страшились, при первой военной неудачѣ, народнаго возстанія, страшились почти столько же, какъ и занятія столицы Бенедеккомъ. Непопулярность войны равнялась только непопулярности самого Бисмарка. Король, дворъ еще колебались; онъ оставался безстрастнымъ посреди общаго раздраженія.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ о дѣйствіяхъ Бисмарка авторъ объясняетъ, какимъ образомъ Пруссія разбила Австрію, прежде Садовой, на экономической мѣстности (т. е. посредствомъ Цольферейна или Таможеннаго Союза), излагаетъ печальной памяти вопросъ объ эльбскихъ герцогствахъ, посягательство на цѣлость датской монархіи, завоеваніе Шлезвигъ-Гольштейна и Лауэнбурга и дипломатическую кампанію между Пруссіей и Австріей, съ 26-го января до 12-го мая 1866 года.

Приступая къ главному предмету—къ богемской кампаніи, авторъ говоритъ: «Я близко видѣлъ людей и дѣла Германіи въ 1866 году. Въ Кёльнѣ и по всему Рейну, во Франкфуртѣ, мѣстопребываніи германскаго сейма 1815 года, потомъ въ Каселѣ, въ Веймарѣ, въ Дрезденѣ, въ сердцѣ Германіи, и наконецъ въ Берлинѣ, я присутствовалъ при постановкѣ на сцену той страшной драмы, которую Пруссія называетъ Кёниггрецомъ, а Европа Садовой. Кровавыя перепетія ея развертывались предъ моими глазами въ продолженіе семидневной кампаніи, съ 27-го іюня по 3-е іюля. Я находился въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и съ тѣмъ, кто исполнялъ первую роль—съ графомъ Бисмаркомъ фонъ Шёнгаузенномъ. Я былъ въ Ицегоѣ, когда пруссаки вторгнулись въ Гольштейнъ и разогнали, 11-го іюня, собраніе депутатовъ. Я былъ также свидѣтелемъ прусскаго вторженія въ Богемію и первыхъ выстрѣловъ, огласившихъ своимъ гуломъ Исполиновы Горы. Послѣ пораженія австрійской арміи близъ Хлума, я былъ увлеченъ въ ураганѣ побѣ-

дителя, неустанно, безощадно преслѣдовавшаго побѣжденнаго по пятнѣ, сначала до укрѣпленнаго ольмюцскаго лагеря, потомъ до стѣнъ Вѣны. Я остановился только въ Никольсбургѣ, въ моментъ перемирія, заключеннаго на пять дней, начиная съ полудня 22-го іюля, и въ продолженіе котораго французская дипломатія вела переговоры о прелиминаріяхъ пражскаго мира.

«Все это я видѣлъ.... Германскій народъ требуетъ національнаго парламента; германскіе государи спорятъ во Франкфуртѣ по поводу союзной реформы и альбскихъ герцогствъ; вся нація раздражается противъ братоубійственной войны такими же бесполезными протестами, какъ и постановленія сейма; сыны бѣлокурой и миролюбивой Германіи идутъ въ армію будто на казнь, безмолвные, мрачные, по цвѣтущимъ полямъ, подъ лучами весенняго солнца; въ Касселѣ прусаковъ ждутъ, какъ избавителей; въ Веймарѣ, въ этихъ нѣмецкихъ Афинахъ, въ городѣ Гёте, Шиллера, Гердера, Виланда, благородные умы, влюбленные столько же въ свободу, сколько въ искусство и въ поэзію, носясь на синихъ облакахъ германской мечтательности, стремятся въ великому отечеству, единому и свободному; въ Дрезденѣ Бейстъ употребляетъ всевозможныя, но напрасныя усилія образовать противъ Пруссіи союзъ среднихъ и мелкихъ государствъ; въ Берлинѣ, Бисмаркъ, отважный, готовый играть своею головою, безстрашный посреди неистовыхъ воплей и проклятій, раздающихся со всѣхъ сторонъ противъ реформатора «железомъ и огнемъ».... И, среди этой тревоги великой человѣческой семьи, неопредѣленная надежда, какъ бы предчувствіе лучшей будущности.... Наконецъ борьба.... не поединкомъ между двумя феодальными баронами, болѣе столѣтія оспаривающими другъ у друга германскую націю, но страшное столкновеніе пятисотъ тысячъ нѣмцевъ, смѣшанныхъ съ мадярами, славянами и итальянцами.... Все это пронеслось передо мною съ 15-го мая до 15-го августа 1866 года....»

Авторъ прибылъ въ Кельнъ вечеромъ 15-го мая и нашелъ городъ переполненнымъ солдатами, призванными подъ знамена. Они блуждали по узкимъ и темнымъ улицамъ, группами по восьми и по десяти человѣкъ, съ квартирными билетами въ рукахъ; нѣкоторые изъ нихъ были еще одѣты въ блузахъ и въ курткахъ рабочаго или земледѣльца; другіе уже успѣли облечься въ военный полукафтанъ. Всѣ безмолвствовали; не слышно было ни пѣнія, ни веселыхъ криковъ; только по мостовой раздавался стукъ подошвъ, подбитыхъ большими гвоздями. Ни на лицахъ, ни въ глазахъ солдатъ не было и слѣдовъ геройскаго воодушевленія.... Война, уже рѣшенная въ

этотъ моментъ если не королемъ прусскимъ, то его первымъ министромъ, внушала глубокое отвращеніе не только въ прирейнскомъ населеніи, но и во всей Германіи; даже въ самомъ сердцѣ Пруссіи въ Берлинѣ, адреса въ пользу мира не переставали поступать въ дворецъ....

Въ апрѣлѣ и въ маѣ 1866 года, Европа была свидѣтельницей дѣйствительно необычайнаго зрѣлища: съ одной стороны, нація протестовала противъ братоубійственной, какъ она выражалась, борьбы; съ другой, министръ заставлялъ эту самую націю вооружаться чуть не погодовно, и заставлялъ съ такою отвагою, что миліоны людей, проклиная его, повиновались ему. Всѣ шли по мановенію его волшебной палочки: люди арміи дѣйствующей, люди резерва, люди ландвера. Ругали перваго министра, обвиняли его въ замыслѣ погубить отечество, называли злымъ духомъ Германіи, и всѣ таки шли.... Знали, что несутъ свои головы ради успѣха его полтики, провозглашали ее, на улицахъ и на площадяхъ, безнравственною, а шли.... Въ протестѣ противъ войны слились всѣ сословія, примирились всѣ партіи, и однакожь всѣ надѣвали мундиръ, брали ружье и ранецъ—и шли.... Причиною такого поразительнаго явленія авторъ полагаетъ то, что въ 1866 году въ Пруссіи существовало «равенство передъ ружьемъ».

Нѣсколькими недѣлями позже, Бисмаркъ сказалъ автору, въ Берлинѣ: «Въ Пруссіи и въ Германіи есть только одна сила, *подчиняющаяся дисциплинѣ*» (*une seule force, qui soit disciplinable*). «Я понялъ тогда, прибавляетъ Вильборъ» весь смыслъ этого слова и съ тѣхъ поръ не удивляюсь болѣе, что первою заботою прусской политики, послѣ побѣды, было дисциплинировать всѣхъ нѣмцевъ, заставивъ ихъ надѣть мундиръ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ отъ Майна. Величайшій успѣхъ берлинскаго Маніавеля и заключался въ томъ, что онъ умѣлъ превратить германскую націю, противъ ея воли, въ послушную силу для владычества Гогенцолерновъ».

Но въ Кёльнѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, французъ готовъ былъ вѣрнуть видя общее нерасположеніе къ войнѣ, что король Вильгельмъ, под влияніемъ столь сильнаго давленія, уволить своего перваго министра и что собранные на Рейнѣ солдаты дѣйствительно побросаютъ ружья, какъ то они говорили публично, и не пойдутъ драться со своими братьями—австрійскими нѣмцами. Душая такъ, французъ не зналъ ни прусаковъ, ни нѣмцевъ, а Бисмаркъ слишкомъ хорошо зналъ и тѣхъ, и другихъ. Въ первыхъ числахъ іюня, еще до начала военныхъ дѣйствій, недоумѣніе француза разъяснилось послѣ разго-

вора съ министромъ, а когда открылась война, Вилберъ убѣдился, Бюмаркъ зналъ свою Германію нанизустъ: тѣ самые рейнцы что и вестфальцы, которые негодовали на перваго министра, тѣ самые миролюбивые бюргеры, которые грозилась изломать ружья и броситься въ объятія своихъ нѣмецкихъ братьевъ, дрались какъ львы и покрыли себя славой. Въ одинъ день, 3-го іюля, при Садовой, гдѣ рейнцы и вестфальцы образовывали правое крыло, они уложили на мѣстѣ или вывели изъ строя тысячу пять сотъ саксонцевъ, и сами оставили на полѣ битвы тысячу шесть сотъ человекъ. По этому поводу французъ вспомнилъ слова, сказанныя ему въ Бѣльнѣ однимъ старикомъ-нѣмцемъ:

— «За мрачными лицами нашихъ бюргеровъ скрывается гнѣвъ, самый худшій изъ всѣхъ—гнѣвъ ватаенный. Теперь гнѣвъ направленъ на министра, котораго считаютъ демономъ Германіи; но пусть подъ ружье подвернется какой бы то ни было нечріатель, и гнѣвъ слѣпой, страшный, обрушится на него. Мы, нѣмцы, разсуждаемъ много и долго; теперь конецъ всѣмъ нашимъ рассужденіямъ, хотя мы не знаемъ, чего отъ насъ хотятъ, чего мы сами хотимъ и къ чему все это поведетъ... Теперь у насъ одно желаніе: покончить скорѣе, такъ или иначе, даже гибелью, если то нужно. Мы хотимъ, во чтобы то ни стало, выйдти изъ томительной неизвѣстности, въ которой утрачивается общественная совѣсть, истощается національный кредитъ. И вы увидите, что если борьба завяжется, то наши будутъ драться съ отчаяннымъ воступленіемъ».

Спустя нѣсколько времени, то же самое говорили автору, на пути отъ Бѣльна до Кобленца, офицеры ландвера, съ которыми онъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ:

Авторъ былъ изумленъ точностію и правильностію сосредоточенія прусскихъ войскъ посредствомъ рельсовыхъ путей. Онъ замѣчаетъ, по этому случаю, что Прусія, давно готовившаяся къ войнѣ, изучала до корня теорію и практику желѣзныхъ дорогъ, какъ быстрыхъ средствъ сбора и продовольствія дѣйствующей арміи. Первые опыты, въ продолженіе войнъ итальянской и американской, поставили прусское военное начальство въ возможность пріобрѣсти опытность въ этомъ, еще новомъ тогда, дѣлѣ; опытность, въ свою очередь, позволяла сохранить до послѣдняго момента мнимое оборонительное положеніе, и затѣмъ уничтожить стратегическіе планы противника внезапнымъ вторженіемъ трехъ армій и двухъ сотъ восьмидесяти тысячъ человекъ въ Саксонію и въ Богемію. Нынѣ уже ни для кого не тайна, что желѣзныя дороги и ихъ принадлежности, приименныя къ

войнѣ опытными и свѣдущими офицерами прусскаго генеральнаго штаба, много содѣйствовали великимъ военнымъ успѣхамъ прусаковъ. Въ маѣ 1866 года, прусское военное министерство отобрало въ свое распоряженіе всѣ вагоны третьяго класса, вагоны товарные и даже вагоны для перевозки рогатаго скота, ибо подъ знамена были собраны не только солдаты трехлѣтняго срока дѣйствительной службы и резервисты четырехлѣтняго срока, но и люди перваго призыва ландвера, словомъ, все мужское населеніе отъ двадцати до тридцатидвухлѣтняго возраста. Немало удивило автора и то, что, по перѣздѣ его черезъ бельгійскую границу между Вервѣ и Аахеномъ, весь персоналъ поѣзда состоялъ только изъ машиниста, истопника и *одного* чиновника для повѣрки билетовъ.

Другимъ предметомъ удивленія для Вильбора было точное знаніе Пруссіи всего, происходившаго въ Австріи. Въ продолженіе богемской кампаніи, онъ убѣдился собственными глазами и почерпнулъ изъ рассказовъ офицеровъ главнаго штаба, что графъ Бисмаркъ и генералъ Мольтке имѣли такія свѣдѣнія о томъ, что рѣшалось въ Вѣнѣ, какъ будто были одинъ первымъ министромъ императора Франца-Іосифа, другой главнокомандующимъ австрійскими войсками. Еще 24-го марта Бисмаркъ возвѣстилъ королю Вильгельму, Германіи и Европѣ, что Австрія готовилась къ войнѣ противъ Пруссіи, и, въ доказательство своихъ словъ, обнародовалъ цѣлый рядъ нотъ (24-го, 28-го и 29-го марта), въ которыхъ всѣ военныя распоряженія, принятыя въ Вѣнѣ, были поименованы, въ мельчайшихъ подробностяхъ, съ математическою точностію. Въ этихъ нотахъ указывалось даже на движеніе каждаго полка, и въ Вѣнѣ не могли сдѣлать шага, чтобы о немъ тотчасъ же не узнали въ Берлинѣ.

Готовность Пруссіи къ войнѣ также не могла не изумить француза. «Все, что только умъ и наука, терпѣливое изученіе, предусмотрительность, примѣненная къ малѣйшимъ частностямъ, все, что человѣческая воля, сосредоточенная на военныхъ предметахъ, могли сдѣлать для обезпеченія побѣды, все это было закончено, все было готово. Расчитывали, и не безъ причины, на превосходное вооруженіе пѣхоты, на страшное игольное ружье, которое проявило свои достоинства въ шлезвигъ-голлштейнскую кампанію, и о которомъ Австрія, въ своей ослѣпленной гордынѣ, отзывалась съ пренебреженіемъ, какъ и о всей военной организаціи Пруссіи. Предметы снаряженія и продовольствія были въ полномъ комплектѣ; арсеналы и магазины биткомъ набиты всѣмъ нужнымъ для продолжительной войны; касса имѣла въ своемъ распоряженіи сто двадцать миліоновъ франковъ на первыя потребно-

сти кампаній; военная телеграфія и полевая почта отличались образцовымъ устройствомъ; желѣзныя дороги были подчинены военной дисциплинѣ, подъ начальствомъ офицеровъ, способныхъ извлечь всевозможную пользу изъ этихъ быстрыхъ и могущественныхъ вспомогательныхъ средствъ. Оставлены были карты всѣхъ тѣхъ областей, куда случайности войны могли бы привести прусскую армію; каждая мѣстность, каждая дорога, каждый ровъ, каждый холмъ были обозначены на нихъ съ такою щепетильною заботливостію, что я видѣлъ прусскія войска, ходившія въ непріятельской землѣ будто по знакомымъ полямъ маневровъ. Наконецъ, весь корпусъ офицеровъ, отъ генерала Мольтке до послѣдняго прапорщика, накануне вышущеннаго изъ военной школы, горѣлъ боевою лихорадкою.

По мнѣнію французскаго автора, воинственный пылъ прусаковъ истекалъ не единственно изъ патріотизма, или изъ честолюбія общаго офицерамъ всѣхъ армій—отличиться и заслужить награду; въ средѣ недостаточныхъ дворянъ, по необходимости посвящающихъ себя военной службѣ и весьма многочисленныхъ особенно въ пѣхотѣ, воинственное настроеніе имѣло основаніемъ и сословный духъ, преданность къ особѣ короля, то есть традиціонную обязанность васаала въ отношеніи верховнаго государя.

Пріѣхавъ въ Берлинъ 1-го іюня, Вильборъ отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и попросилъ чиновника доложить о немъ министру—президенту:

«Чиновникъ удостоилъ меня сострадательнымъ взглядомъ чловека въ здравомъ умѣ къ выходцу изъ дома сумасшедшихъ. Онъ простеръ свое благодушіе до того, что не захохоталъ мнѣ подъ-носъ и отвѣчалъ вѣжливо:—«Не старайтесь увидѣть министра-президента; вы только понапрасну потеряете время: графъ не принимаетъ никого; онъ живетъ въ своемъ кабинетѣ и выѣзжаетъ только къ королю. Даже самыя приближенныя къ нему должностныя лица съ трудомъ получаютъ доступъ». Я не настаивалъ; но, возвратясь въ свою квартиру, подъ Липами, взялъ перо журналиста и написалъ министру-президенту письмо, въ которомъ просилъ его объ аудіенціи. Я не сохранилъ конія съ моего письма, однако помню, приблизительно, содержаніе. Вотъ что я писалъ:

«Большая демократическая газета, издаваемая въ Парижѣ, *Siècle*, имѣющая миллионъ читателей, возложила на меня порученіе доставлять ей возможно-точные свѣдѣнія о людяхъ и дѣлахъ Германіи. Въ вашей канцеляріи мнѣ сказали, что вы ни для кого невидимы, кромѣ короля прусскаго. Крайне сожалѣю объ этомъ, господниъ мнѣ

нистръ, потому что вы загадка, ключъ къ которой я желалъ бы послать французской націи. Виновникъ всеобщей подачи голосовъ въ Германію и союзникъ Италіи, вы, въ то же время, поставили себя, вашими дѣлами и вашими словами, на такую степень непопулярности, до которой не достигалъ еще ни одинъ министръ. Мнѣ было бы весьма желательно узнать отъ васъ самихъ, какимъ образомъ полагаете вы возможнымъ примирить отнынѣ противорѣчія вашей политики, и будетъ ли обѣщанный вамъ парламентъ серьезнымъ учрежденіемъ, или только средствомъ необходимымъ для васъ при настоящемъ важномъ кризисѣ».

«Спустя два часа послѣ того, какъ я отдалъ письмо въ канцелярію министра, я получилъ пакетъ за казенною печатью, изображавшею прусскій гербъ: Бисмаркъ завѣщалъ, что приметъ меня «съ удовольствіемъ» вечеромъ, въ десять часовъ.

«Признаюсь, не безъ волненія вошелъ я въ кабинетъ, гдѣ мыслилъ и писалъ, день и ночь, необыкновенный человекъ, державшій тогда въ рукахъ миръ Европы.

«Передаю разговоръ вполнѣ, во-первыхъ потому, что въ немъ Бисмаркъ энергически обрисовываетъ самъ себя, слѣдовательно я не могъ бы выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ эту историческую личность, занявшую мѣсто между самыми могучими и своеобразными представителями нашего вѣка; во-вторыхъ, разговоръ государственнаго человека и журналиста получаетъ, относительно нѣкоторыхъ частей своихъ, особенный интересъ по обстоятельству, на которое я обращаю вниманіе читателя. А именно: все это было связано мнѣ необыкновеннымъ дилематомъ 4-го іюня, то есть до занятія Гольштейна, до вторженія прусаковъ въ Ганноверъ и въ Саксонію, до разрыва дипломатическихъ сношеній между Берлиномъ и Вѣною и даже прежде обнародованія того проекта федеральной реформы (10-го іюня), которымъ Бисмаркъ выгонялъ Австрію изъ Германіи. Я началъ бесѣду такъ:

— Господинъ министръ, я принялъ на себя обязанность познакомиться, возможно лучше, французскую публику со всѣмъ, что происходитъ нынѣ въ Германіи. Позвольте же мнѣ говорить съ вами открыто. Охотно сознаю, что Прусія, во внѣшней политикѣ, стремится, повидимому, къ цѣлямъ какъ нельзя болѣе симпатичнымъ французской націи, а именно: окончательно освободить Италію отъ Австріи, устроить Германію на основаніи подачи голосовъ миромъ. Но между вашею прусскою политикою и политикою нѣмецкою противорѣчіе развѣ не слышномъ явно? Вы провозглашаете національный парла-

ментъ, какъ единственный источникъ, откуда Германія можетъ выйти перерожденною, какъ единственную верховную власть, которая способна довершать ея новыя судьбы; но, въ то же время, вы постоупаете со второю берлинскою палатою подобно Людовику XIV, когда онъ вошелъ въ парижскій парламентъ съ плетью въ рукѣ. Мы, во Франціи, не допускаемъ возможности сочетанія абсолютизма съ демократіей, и, сказать правду, общественное мнѣніе въ Парижѣ не признало серьезнымъ вашъ проектъ національнаго парламента; въ нешъ видѣли лишь хорошо-придуманную военную машину, и парижане полагаютъ, что вы изобрѣаете этотъ инструментъ въ тотъ день, когда онъ сдѣлается неудобнымъ или бесполезнымъ.

— «А! вы касаетесь самой сути дѣла», отвѣчалъ Бисмаркъ. «Знаю, что я во Франціи столько же непопуляренъ, какъ и въ Германіи. Вездѣ меня одного дѣлаютъ ответственнымъ за положеніе, которое создамо не мною, но которое само наложило руку на меня, какъ и на всѣхъ. Я сталъ козломъ отпущенія общаго мнѣнія, но я мало о томъ забочусь. Я преслѣдую, съ совершенно спокойною совѣстію, цѣль, которую признаю полезною моему отечеству и Германіи. Что до средствъ, то я употребилъ тѣ, которыя представлялись мнѣ, за неизмѣнимъ другихъ. О внутреннемъ положеніи Пруссіи и Германіи можно было бы сказать многое. Что бы судить о немъ безпристрастно, надобно изучить, узнать коротко частный характеръ людей этой страны. Между тѣмъ какъ Франція и Италія образуютъ нынѣ, каждая, великое социальное тѣло, одушевляемое однимъ духомъ и однимъ чувствомъ, въ Германіи, напротивъ, преобладаетъ индивидуализмъ. Здѣсь всякій живетъ особнякомъ, въ своемъ уголкѣ, со своимъ собственнымъ мнѣніемъ, между женою и дѣтьми, всегда недоувѣрчивый и къ правительству, и къ своему сосѣду, судящій обо всемъ со своей личной точки, но никогда съ точки зрѣнія массы. Чувство индивидуализма и потребность противорѣчія развиты въ нѣшцѣ до невѣроятной степени: покажите ему отворенную дверь, онъ не пойдетъ въ нее, а станетъ упрямо отмыскивать щель рядомъ, въ стѣнѣ. Вотъ почему въ Пруссіи никакое правительство, чтобы оно ни дѣлало, никогда не будетъ популярнымъ. Громадное большинство всегда будетъ противоположнаго ему мнѣнія. Правительство, единственно потому, что оно правительство, и становится какъ власть предъ лицомъ отдѣльнаго человѣка, осуждено встрѣчать вѣчное противорѣчіе со стороны умѣренныхъ, порицаніе и брань крайнихъ. Такова была судьба всѣхъ правительствъ, снѣнявшихъ другъ друга съ самаго начала династіи. Министры либеральные, какъ и мини-

стры реакціонерныя, равно не находили пощады у нашихъ покровъ....»

«Сдѣлавъ обзоръ царствованій и правительствъ со времени возникновенія прусской монархіи, Бисмаркъ старался мнѣ доказать, что Ауерсвальды и Мантойфелъ имѣли одну и ту же участь, и Фридрихъ-Вильгельмъ III, называемый «Справедливымъ», трусово, желая угодить прусакамъ, точно такъ же, какъ и Фридрихъ Вильгельмъ IV».

— «Прусаки», прибавилъ министръ, «ликвозли огъ во Фридриха-Великаго, а когда онъ умеръ, потирали себѣ руки дуясь, что избавились отъ тирана. И однакожь, рядомъ съ этимъ антагонизмомъ, въ прусакахъ живетъ глубокая преданность къ стіи. Ни государь, ни министръ, ни правительство не могутъ обрѣсти любви прусскаго индивидуализма; но всѣ прусаки отъ души кричатъ: да здравствуетъ король! и повинуются, когда король прикажетъ».

— Говорятъ, господинъ министръ, что неудовольствіе не довести до возмущенія.

— «Правительство не имѣетъ повода опасаться возмущенія, не боится его. Наши революціонеры не такъ страшны. Вражда проявляется, главнымъ образомъ, въ выходахъ противъ министра, но они уважаютъ короля. Я одинъ причиною всего зла, и на меня срдятся они. Съ малою долею безпристрастія, они, бытъ можетъ, сознались бы, что я не дѣйствовалъ иначе потому, что могъ. При настоящемъ положеніи Пруссіи въ Германіи, и по отношеніямъ ея къ Австріи, намъ нужна была прежде всего армія. Пруссія это единственная сила, подчиняющаяся дисциплинѣ (*la seule force disciplinable*).... Прусакъ, который сломалъ себѣ руку на барикадѣ, воротился бы домой крайне сконфуженнымъ, и жена выбрала бы его дуракомъ; но въ арміи онъ превосходитъ солдатъ, и дерется какъ левъ за честь своего отечества. Вотъ это необходимость въ великой вооруженной силѣ, вызываемую обстоятельствами, и не хотѣли понять, при всей ея очевидности, причесивые политики. Что до меня, я не могъ колебаться: и по поведенію моему, и по воспитанію, я, прежде всего, слуга короля. А король дорожитъ военною организаціей столько же, какъ и самою короною, потому что и онъ, въ душѣ и по совѣсти, признавалъ ее необходимою. Въ этомъ отношеніи, никто не могъ бы согласиться на уступку или на сдѣлку. Люди его лѣтъ—ему семьдесятъ лѣтъ—съ его преданіями, упорно отстаиваютъ идею, особенно если».

тають ее дѣльною. Притомъ, по вопросу объ арміи, я вполне раздѣляю его взглядъ.... Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, я жилъ дворяниномъ-помѣщикомъ, когда державная воля назначила меня прусскимъ посланникомъ при франкфуртскомъ сеймѣ. Я былъ воспитанъ въ поклоненіи, могу сказать въ благоговѣніи, къ австрійской политикѣ. Немного, впрочемъ, нужно было мнѣ времени, чтобы отречься отъ илюзіи молодости относительно Австріи, и я сталъ ея отъявленнымъ противникомъ. Униженіе моего отечества, Германія, принесенная въ жертву чуждымъ интересамъ, политика коварная и вѣроломная—все это возмущало меня. Я не зналъ, что будущность готовить мнѣ роль; но съ той поры я возмимѣлъ мысль, осуществленіе которой нынѣ преслѣдую—мысль освободить Германію отъ австрійскаго гнета, по крайней мѣрѣ Сѣверную Германію, и по духу, и по вѣроисповѣданію, и по правамъ, и по интересамъ связанную съ судьбами Пруссіи. Въ планахъ моихъ нѣтъ рѣчи о ниспроверженіи престоловъ, объ отніатиі у владѣтельныхъ князей герцогствъ или княжествъ, да король и не согласился бы на то (*). Вдобавокъ, тутъ замѣшаны фамиліиыя отношенія, родство (le cousinage), множество враждебныхъ вліяній, съ которыми я долженъ бороться ежедневно.... Но все это, равно и оппозиція въ самой Пруссіи, не помѣшала мнѣ предаться тѣломъ и душой моеи идее—устройству Сѣверной Германіи, въ ея логической и естественной формѣ, подъ щитомъ Пруссіи. Для достиженія этой цѣли, я готовъ на все: идти въ ссылку и даже на эшафотъ. И я сказалъ наслѣдному принцу, который, по своему воспитанію и образу мыслей, приверженецъ парламентарнаго правленія: «что за дѣло, если меня повѣсятъ, лишь бы веревка, на которой меня повѣсятъ, крѣпко привязала вашъ тронъ къ новой Германіи....»

Когда, около полуночи, Вильборъ сталъ откланиваться министру, Бисмаркъ взялъ его за руку и сказалъ съ величайшею любезностію: «Желаю еще разъ видѣть васъ и поговорить съ вами. Приходите завтра отобѣдать въ моемъ семейномъ кругу. Это единственный часъ дня и ночи, когда я хоть немного принадлежу себѣ; а теперь мнѣ надо работать до тѣхъ поръ, пока солнце потушитъ мою лампу».

«Не переступлю стѣны, закрывающей частную жизнь государственнаго человѣка», говоритъ французскій публицистъ; «не введу

(*) Послѣдствіа показали однако, что, для округленія границъ Пруссіи, отъважный министръ не поколебался свергнуть съ престола короля Ганноверскаго, герцога Насаускаго, курюрста Гессенскаго и захватить вольный городъ Франкфуртъ на Майнѣ. А ограбленіе Даніи?...
Ред.

читателя въ семейный кругъ, въ которомъ благоуханіе французскаго изящества соединено съ померанскою простотою; но позволяю себѣ не скрывать, что, въ продолженіе обѣда, Бисмаркъ былъ нештомо остроуменъ и веселъ. Ни на челѣ, ни въ глазахъ его я не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда думы, а вѣдь это было въ самый критическій моментъ кризиса: съ часу на часъ ожидали объявленія войны. Министръ говорилъ о Франціи, о Парижѣ, не забывалъ ничего, даже баловъ въ Мабилѣ, какъ будто присутствовалъ тамъ наканунѣ. прерывный потокъ тонкихъ или жгучихъ шутокъ сходилъ съ устъ въ тысячѣ живописныхъ формъ, и онъ первый смѣялся души. Но, предаваясь то веселому, то саркастическому увлеченію, Бисмаркъ не проронивалъ ни единого слова изъ того, что говорилось вокругъ него.... Такая свобода ума, такая веселость нравовъ въ моментъ столь критическій, поразили меня тѣмъ сильнѣе, министръ-президентъ, но истиннѣ, покоился не на розахъ....»

9-го іюня Вильборъ уѣхалъ въ Ицегое, куда Австрія созвала голштинскіе чины на 11-е число; но еще 7-го Бисмаркъ послалъ генералу Мантейфелю приказаніе занять герцогство, которое, по смыслу гастейнской конвенціи, составляло тогда часть Австрійскаго завоеванія. 19-го іюня, когда арміи прусская и австрійская стояли другъ противъ друга, Бисмаркъ исходатайствовалъ у короля французскому журналисту разрѣшеніе состоять при дѣйствующихъ войскахъ, и, на вопросъ Вильбора, куда ему отправиться: въ Сицилію, въ Саксонію или на западъ Германіи, отвѣчалъ съ самою благодушною улыбкою: — «Если вы хотите быть въ первыхъ ложахъ, то поѣзжайте въ Нейсе, гдѣ главная квартира наследнаго принца; онъ человѣкъ либеральный, ласковый, любитъ Францію и принимаетъ хорошо. Дозволеніе короля вы имѣете; но вамъ нуженъ военный паспортъ, для предъявленія, въ случаѣ надобности, на жандармскихъ постахъ или патруляхъ. Ступайте, отъ моего имени, къ генералу Мольтке: онъ выдастъ вамъ свидѣтельство».

«Я не успѣлъ еще ступить за порогъ министерскаго кабинета, прибавляетъ Вильборъ, «какъ перо государственнаго человѣка у меня закрипѣло по бумагѣ. Обернувшись, я замѣтилъ на лицѣ графа Бисмарка выраженіе суровое, грозное, страшное».

«На другой день утромъ, я явился въ главный штабъ и немедленно былъ введенъ къ человѣку высокаго роста и болѣзненнаго вида. Лицо его носило глубокіе слѣды утомленія, безсонныхъ ночей и страданія. Казалось, что вся жизнь сосредоточивалась на челѣ въ глазахъ. Онъ стоялъ нагнувшись надъ большою военною картою

«Оставьте еще на несколько дней въ Берлинѣ», сказалъ мнѣ генералъ Мольтке; «теперь вы увидите только солдатъ на маршѣ и сборы войскъ. Въ пятнадцать часовъ вы можете доѣхать до главной квартиры въ Нейсе, а когда именно вамъ пустится въ путь, объ этомъ я извѣщу васъ, если угодно». Я выразилъ начальнику главнаго штаба желаніе отправиться въ армію вечеромъ того же дня, если онъ не найдетъ къ тому препятствія. — «Никакого», отвѣчалъ генералъ очень любезно, и тотчасъ же приказалъ выдать мнѣ военный паспортъ».

Хотя французскій публицистъ и дѣлаетъ оговорку, что о богемской напавіи будетъ говорить преимущественно только то, что самъ видѣлъ, и, не будучи знакомъ ни съ тактикой, ни съ стратегіей, не станетъ пускаться въ разсужденія, однако онъ представляетъ довольно полный очеркъ военныхъ операцій, руководствуясь, какъ видно изъ цитатъ, описаніемъ войны, составленнымъ при прусскомъ генеральномъ штабѣ. Для читателей невоенныхъ, этотъ очеркъ, вложенный живо и наглядно, можетъ дать общее понятіе о войнѣ; мы же остановимся на нѣкоторыхъ характеристическихъ частностяхъ, передаваемыхъ Вильборомъ.

Пріѣхавъ въ Нейсе, онъ былъ пораженъ, прежде всего, воинственнымъ видомъ прусскихъ солдатъ, представлявшихъ едва вѣроятный контрастъ съ тѣми унылыми, неповоротливыми, неловкими людьми, которые встрѣчались ему отъ Рейна до Берлина, въ моментъ призыва ихъ на службу. Лагерная жизнь и сытная пища сообщили, въ нѣсколько недѣль, желѣзные мускулы и стальные ноги «всѣмъ этимъ натурамъ, врѣннымъ отъ природы, но инертнымъ и какъ бы погруженнымъ въ вялую нѣмецкую сонливость». Не было ни больныхъ, ни отсталыхъ. И въ моральномъ, и въ физическомъ смыслѣ, прусская армія переродилась: загорѣлые на солнцѣ, закаленные на маршахъ, одушевляемые энергіей и мужествомъ, полные довѣрія къ самимъ себѣ, въ избыткѣ снабженные всѣмъ необходимымъ для поддержанія здоровья и бодрости духа, солдаты весело шли въ бой «за короля и за отечество». Главную свою силу они почерпали въ сознаніи великаго долга, имъ предстоящаго; австрійская фанфаронада о военной прогулкѣ до Берлина, комментируемая на бивуакахъ людьми болѣе унылыми и болѣе образованными, внушила солдатамъ рѣшимость побѣдить или умереть. Кроме того, многіе хотѣли сражаться не только за прусское отечество, но и за великое германское отечество, и этого-то рода солдаты, преимущественно изъ сословій образованныхъ, ободряли робкихъ, воспламеняли вялыхъ, увлекали равнодушныхъ.

Патріотическое чувство и идея единства были, такимъ образомъ, двумя могущественными союзниками Пруссіи въ войнѣ противъ австрійцевъ.

Тотчасъ по прїѣздѣ въ Нейсе, французскій журналистъ отпра-вился прямо въ главную квартиру силезской арміи.

«Главнoкомандующій (т. е. наслѣдный принцъ) сдѣлалъ мнѣ пріемъ, глубоко тронувшій меня», говоритъ Вильборъ. «Онъ представилъ меня своему штабу, поручилъ двумъ офицерамъ, маіору Верди-дю-Вернау и маіору Бургу, сообщать мнѣ нужныя, во время кампаніи, свѣдѣнія, и затѣмъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Вы будете сопутствовать намъ и жить съ нами; иначе, не состоя ни при какой части, вамъ трудно было бы въ непріятельской землѣ. Но какъ мы, въ вашемъ присутствіи, будемъ говорить свободно, то позвольте дать вамъ единственный совѣтъ: не сообщать въ вашихъ письмахъ, предназначенныхъ для гласности, такихъ свѣдѣній, въ особенности о движеніи войскъ, которыми могли бы воспользоваться наши противники.... Во всемъ остальномъ вы имѣете полную свободу.

«Я предложилъ его высочеству передавать свои письма на предварительный просмотръ главнаго штаба. Принцъ не согласился на это и прибавилъ:

— Я довѣряю вашей честности и вашему такту.

«Въ этотъ день я обѣдалъ за общимъ столомъ чиновъ главнаго штаба; мѣсто хозяина занималъ наслѣдный принцъ. Я не имѣлъ съ собою ни чернаго фрака, ни даже бѣлаго шейнаго платка, и мой дорожный костюмъ представлялъ довольно жалкую фигуру среди блестящихъ мундировъ, еще не успѣвшихъ потускнѣть отъ походной жизни. Тѣмъ не менѣе, со мною обращались въ высшей степени радушно; я не замѣтилъ здѣсь ни малѣйшаго слѣда той юнкерской спѣси, которая, какъ мнѣ сказали въ Берлинѣ, сдѣлаетъ несносною жизнь мою при арміи. За столомъ не было ни принужденности, ни этикета. Разговаривали, смѣялись свободно. Между этими братьями по оружію, отъ главнокомандующаго до подпоручика, господствовали совершенно дружескія отношенія.

Послѣ сраженія при Находѣ, Вильборъ видѣлъ, какъ побѣдитель (т. е. наслѣдный принцъ) возвращался въ главную квартиру: на козлахъ его кареты развѣвалось знамя полка Дейтмейстера, знамени-таго въ военныхъ лѣтописяхъ Австріи. Замѣтивъ французскаго публициста, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ сказалъ ему: «Мы одержали побѣду; этотъ первый успѣхъ произведетъ хорошее дѣйствіе на духъ»

арміи», и, взволнованнымъ голосомъ, прибавилъ: «Но подумайте: одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ австрійскихъ полковъ именно тотъ, который носитъ мое имя!... Мнѣ очень прискорбно было найти между ранеными полкового командира, графа Вимпфена»....

Съ цѣлію посмотрѣть, какой политическій эффектъ произведетъ въ Берлинѣ вѣсть о первомъ и столь блистательномъ успѣхѣ прусскаго оружія, Вильборъ посѣдѣшилъ въ столицу Пруссіи, и здѣсь былъ свидѣтелемъ внезапной, и притомъ громадной, популярности короля и министра-президента. Присоединившись затѣмъ къ королевской главной квартирѣ, еще находившейся въ Берлинѣ, онъ, по совѣту графа Бисмарка, отправился, одновременно съ нею, въ Рейхенбергъ. На этотъ разъ ему предстояло находиться на театрѣ дѣйствій первой арміи и арміи эльбской. Описывая различныя подробности, онъ, между прочимъ, съ большою похвалою отзывается о прусской полевой почтѣ (Feldpost): такая почта была учреждена при штабѣ каждаго корпуса; кромѣ того, большая главная квартира и главные квартиры трехъ армій имѣли, каждая, свою спеціальную почту. Въ продолженіе всей войны, въ Богеміи и въ Моравіи, на полѣ битвы при Садовой, какъ и въ замкѣ Эйсгрубъ, близъ Вѣны, французы регулярно получали письма и газеты изъ Парижа. Офицеры и солдаты писали своимъ роднымъ и получали отъ нихъ извѣстія такъ часто, какъ хотѣли. Не было примѣра, чтобы затерялось какое-либо письмо.

Сраженіе при Садовой Вильборъ излагаетъ довольно обстоятельно. Въ качествѣ очевидца, онъ опровергаетъ ошибочное мнѣніе, будто центръ пруссаковъ едва не подвергся полному пораженію и будто успѣхъ дня не только колебался, но одинъ моментъ казался даже потеряннымъ. «Все, что говорили о ретроградномъ движеніи принца Фридриха-Карла, положительно невѣрно. Подобное движеніе не могло бы совершиться безъ того, чтобы я не видѣлъ его съ мѣста, гдѣ находился, именно на дорогѣ изъ Хорвица въ Кениггрецъ, чрезъ Садовую: я былъ бы неминуемо увлеченъ вмѣстѣ съ отступавшими войсками. Говорю утвердительно, что первая армія шла впередъ безостановочно или держалась въ назначенныхъ ей позиціяхъ подъ страшнымъ огнемъ. Только движеніе Франсецаго, овладѣвшая Масловедскимъ лѣсомъ и нѣскольکو часовъ геройски отстаивавшая его противъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, принуждена была отойти на Бенатекъ въ половинѣ перваго часа, когда потеряла четвертую часть людей. Но, уже въ этотъ моментъ, была занята брешь между первою арміею и второю, гвардія шла на Хаумъ и посылала отряды на помощь движенію Франсецаго. Австрійцы же при-

нуждены были отказаться отъ наступленія противъ принца Фридриха Карла и отойти къ своему центру и къ своему правому флангу, чтобы встрѣтить наследнаго принца, такъ какъ мезады корпусъ гвардейскаго и шестаго, перешедшихъ тогда Гереновскіи и Сендревскіи быстро подвигались, по направленію къ Гереновскіи, Масловскіи, Хлуму, корпуса первый и пятый. Слѣдовательно, принцу Фридриху Карлу не угрожалъ обходъ съ его лѣваго фланга, и хотя дивизіи арміи, стоявшія въ первой линіи, пострадали жестоко, особенно визія Франсецкаго, однако онъ не призналъ опасность на столь великую, чтобы взять изъ резерва даже одинъ баталіонъ».

4-го іюля, утромъ, французскій публицистъ отправился въ мекъ Хореницъ, гдѣ водворилась большая главная квартира и неожиданно прибылъ король прусскій, болѣе пятнадцати часовъ сидевшій съ коня, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ. Тутъ же тотъ нашелъ и Бисмарка, который сопровождалъ генерала Штемета и пятый корпусъ въ преслѣдованіи побѣжденнаго, чтобы собственными глазами удостовѣриться въ разгромѣ австрійцевъ. 5 іюля, министръ-президентъ сказалъ Вильбору: «Знаете-ли важную новость? Австрійскій императоръ уступаетъ Венеціанскую Область императору французовъ и принимаетъ его посредничество для заключенія мира. Это еще не все: въ «Moniteur universel» объявлено, императоръ Наполеонъ поспѣшилъ отвѣчать на призывъ и обещается къ королямъ прусскому и итальянскому для заключенія перемирія».

Вильборъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что дальновидный министръ мгновенно разгадалъ затаенную мысль Австріи: выигравъ время, собрать подъ Вѣной свою южную армию, обезоружить Италию уступкою Венеціи, и побудить Францію дѣйствовать противъ Пруссіи. Съ Бисмаркомъ прямо сказалъ, что въ Вѣнѣ надѣялись остановить итальянцевъ предъ французскими знаменами, водруженными на стѣнахъ венеціанскаго четырехугольника, но признавалъ этотъ расчетъ несостоятельнымъ по двумъ причинамъ: потому, во-первыхъ, что Наполеонъ объявилъ себя въ пользу нейтралитета, и, во-вторыхъ, потому, Викторъ-Французъ обязался трактатомъ не слагать оружія прежде стиженія Пруссіи и Италіей условленной цѣли. Вотъ почему Бисмаркъ не соглашался на заключеніе перемирія внѣ условій окончательнаго мира, и, вслѣдствіе того, Мольте быстро двинулъ пруссовъ въ мое сердце австрійской монархіи. Впрочемъ, и менѣе умный, и менѣе проникательный дипломатъ понялъ бы уловку вѣчнаго кабинета даже изъ того обстоятельства, что Австрія предлагала заключить

реширі, по крайней мѣрѣ на восемь недѣль, и хотя отдавала въ залогъ крѣпости Іозефштадтъ и Кениггрець, но съ условіемъ, чтобы эти крѣпости были возвращены, по подписаніи мира, со всѣмъ своимъ матеріаломъ, и чтобы гарнизоны выступили съ военными почестями на присоединеніе къ главной арміи.

— «Предложенія Австріи—предложенія побѣдителя, а не побѣжденнаго», сказалъ наслѣдный принцъ.

Замѣчательно, что генераль Габленцъ, присланный для переговоровъ о перемиріи, ничего не зналъ объ уступкѣ Венеціанской Области, и это признаніе парламентаря произвело весьма дурное впечатлѣніе въ главной квартирѣ короля. Не менѣе замѣчательно и недовѣріе Бисмарка къ Австріи: когда эта держава уже согласилась быть исключенною изъ Германіи, Бисмаркъ, по словамъ автора, такъ былъ пораженъ столь необычайнымъ событіемъ, что совѣтовалъ генералу Мольтке не засыпать на лаврахъ: 21-го іюля, несмотря на окончательное соглашеніе относительно существеннаго условія перемирія, прусаки продолжали подвигаться къ Пресбургу.

Въ заключительныхъ выводахъ своихъ о знаменитой кампаніи, авторъ высказываетъ хотя не новыя, но тѣмъ не менѣе вѣрныя мысли о причинахъ торжества прусаковъ. Онъ говоритъ:

«Неожиданные успѣхи, разомъ поставившіе Прусію на первую степень военныхъ державъ, имѣли источникомъ не одно превосходство вооруженія, давно подготовленной и законченной, до малѣйшихъ подробностей, организаціи, или смѣлый геній двухъ необыкновенныхъ людей; къ этимъ двигателямъ побѣды надобно присоединить еще самый могущественный изъ всѣхъ двигателей: энтузіазмъ, охватившій прусскую армію послѣ первыхъ успѣховъ при Находѣ и Мюнхенгрець. Раздраженная австріискою хвастливостью и пренебреженіемъ къ прусскимъ знаменамъ, одушевленная тѣмъ недолгимъ порывомъ, который, въ рѣшительныя минуты, даетъ тысячамъ солдатъ одно сердце и одну руку, устремленная къ одной героической цѣли—все принести въ жертву отечеству, прусская армія обладала, въ высокой степени, моральною силою, а моральная сила получала пищу отъ присутствія въ рядахъ массы молодыхъ людей умныхъ образованныхъ и просвѣщенныхъ, сообщавшихъ свой благородный пылъ братьямъ по оружію».

По подписаніи прелиминарныхъ статей мира, французскій журналистъ возвратился въ Берлинъ и явился къ Бисмарку откланиваться передъ отъѣздомъ своимъ въ Парижъ:

«Часовъ въ десять вечера (это было 7-го августа), я былъ кабинетъ министра-президента, когда ему доложили о прѣздѣ Бодети, французскаго посланника. — «Стунайте пить чай въ гостиную сейчасъ возвращусь къ вамъ», сказалъ мнѣ Бисмаркъ. Прошли часа; пробило полночь, потомъ часъ по полуночи. Человѣкъ двадцать семейство и близкіе знакомые, ожидали хозяина дома. Наконецъ явился, съ спокойствіемъ на челѣ и съ улыбкою на устахъ. Пили чай, вурлили, приклебывали пиво на нѣмецкій ладъ. Заваздалась сѣда, попеременно серьезная и легкая, о Германіи, объ Италіи Франціи. Въ Берлинѣ уже ходили тогда слухи о возможности воли съ Франціей. Прощаясь съ графомъ, я сказалъ: — «Господинъ министръ, позвольте мнѣ предложить вамъ нескромный вопросъ: или войну везу я въ Парижъ?» Бисмаркъ отвѣчалъ съ живостью: «Дружбу, дружбу прочную съ Франціей! Я имѣю твердую надежду, что Франція и Прусія составятъ отнынѣ дуализмъ интеллигенціи прогресса».... Я подмѣтилъ, однако, странную улыбку на устахъ ловѣка, предназначеннаго занять видное мѣсто въ прусской политикѣ, тайнаго совѣтника барона Кейделя, на другой же день откровенно явился къ нему и признался, что улыбка его затронула мое любопытство. — «Вы увѣжаете сегодня вечеромъ во Францію», отвѣчалъ онъ: «ну, такъ дайте мнѣ слово сохранять до Парижа въ тайнѣ, что я вамъ повѣдаю: не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ мы начнемъ войну на Рейнѣ, если Франція станетъ упорствовать своихъ территоріальныхъ притязаніяхъ. Она требуетъ у насъ того, чего мы не можемъ и не хотимъ дать ей. Прусія не уступитъ дюйма германской земли; иначе мы подняли бы противъ себя Германію, а если понадобится, то мы поднимемъ ее скорѣе противъ Франціи, нежели противъ себя»....

По поводу притязаній Франціи на увеличеніе своей территоріи Вальборъ замѣчаетъ: «Въ высшей степени неполитичная и неумѣренная, въ подобный моментъ, выходка тюльерскаго кабинета, имѣвшая послѣдствіемъ неудачу французской дипломатіи, какъ нельзя лучше послужила Бисмарку во всѣхъ его предпріятіяхъ на Германію. (Въ населѣ въ территоріальныхъ притязаніяхъ Франціи неопровержимый аргументъ для доказательства необходимости обширныхъ вооруженій противъ этой державы; отказъ же уступить ей и малѣйшую часть германской земли возвысилъ еще болѣе, въ глазахъ всѣхъ патриотовъ, обаятельное значеніе какъ Пруссіи, щита великаго нѣмецкаго отечества, такъ и министра, высоко и твердо державшаго національное знамя передъ иноземцами. Съ этихъ поръ династическая и во

ная Прусія уже не встрѣчала преградъ въ либеральной Германіи, противъ насъ направленной. И вотъ какимъ образомъ, спустя полвѣка, наполеоновская политика развѣдннала, во второй разъ, два великіе народа, предназначенные и по своей умственной, моральной, и матеріальной культурѣ, и по всѣмъ своимъ интересамъ и стремленіямъ, скрѣпить братскій союзъ и тѣмъ положить незыблемую основу свободѣ и миру Европы».

Боснувшись жгучаго вопроса о возможности войны между Франціей и Прусіей, авторъ говоритъ: «Должна ли Франція помышлять объ уничтоженіи оружіемъ военнаго дервенства, завоеваннаго Прусіей въ битвѣ при Садовой?... Если бы будущность могла принадлежать войнѣ, торжеству силы надъ правомъ, то, не колеблясь, можно быдо бы отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Но въ тотъ моментъ, когда совѣсть всѣхъ цивилизованныхъ народовъ осуждаетъ и проклинаетъ ужасный обычай рѣзни, завѣщанный варварскими вѣками, Франція не помянула ли бы своей истинной славы возобновленіемъ этого обычая?... Единственный врагъ Франціи, объ истребленіи котораго она можетъ думать теперь, есть вооруженный деспотизмъ—внутри противъ порабощеннаго народа, извнѣ противъ народа, долженствующаго быть порабощеннымъ завоеваніемъ. Если бы захотѣли, съ этой точки, смотрѣть на умѣстность войны съ Прусіей, то надлежало бы подумать о томъ, что прежде, чѣмъ исправлять своего ближняго, надобно исправить самого себя. Если Прусія и Германія вооружены, то развѣ мы сами не вооружены? Если зарейнскіе шовинисты говорятъ объ отнятіи у насъ Эльзаса и Лотарингіи, то развѣ наши не кричатъ о завоеваніи провинцій лѣваго берега Рейна и Бельгіи? Да и изъ-за чего стали бы мы воевать съ Прусіей? Съ точки зрѣнія оборонительной, развѣ намъ предстоитъ отражать сосѣда, который не трогаетъ насъ и не вмѣшивается въ наши дѣла? Съ точки зрѣнія наступательной, мы не имѣемъ никакого повода объявлять войну, даже въ томъ случаѣ, если бы линія Майна была нарушена: Франція, вѣдь, не подписывала пражскаго трактата. За неимѣніемъ уважительныхъ причинъ, выставать, конечно, слѣдующій предлогъ: «намъ невыгодно, чтобы національное единство Германіи совершилось чрезъ посредство Прусіи; объединенная и вооруженная Германія, въ рукахъ Прусіи, угрожаетъ нашимъ интересамъ и посягаетъ на наше вліяніе, на наше значеніе въ Европѣ».

«Но тѣ, которые такъ думаютъ и говорятъ, поразмысли ли о послѣдствіяхъ этой войны, и о первомъ изъ всѣхъ? Появленіе одного

Французскаго солдата на Рейнѣ собереть вокругъ прусскаго генералиссимуса не только контингенты Сѣвера и Юга, но и всѣхъ патриотовъ, добровольно вооружившихся для обороны германской земли. Хотятъ—ли подчинить, на цѣлый вѣкъ, военному игу Гогенцолернговъ объединенную такимъ образомъ Германію? Хотятъ—ли увѣковѣчить милитаризмъ въ Европѣ, сковать свободу народовъ, разорить ихъ двумя, столько же непронизительными, сколько противоморальными, налогами: налогомъ крови, отторгающимъ гражданина отъ мирныхъ занятій, рабочаго отъ мастерской, кормильца отъ семьи, и налогомъ обширныхъ вооруженій, отнимающимъ у цѣлаго общества лучшій плодъ его труда? Это ли цѣль, преслѣдуемая ради вѣщней славы деспотизма и въ его исключительныхъ интересахъ? Какой другой результатъ возможно получить отъ подобной войны? Если побѣда увѣнчаетъ французскія знамена, то Франція, уложивъ сто тысячъ пруссаковъ или нѣмцевъ, будетъ—ли отъ того славнѣе? Возвысится—ли она въ уваженіи современнаго міра, отнявъ у Германіи часть территоріи, принудивъ, ружейными и пушечными выстрѣлами, извѣстное число нѣмцевъ сдѣлаться французами? Притомъ, линія Майна не останется—ли и послѣ войны географическимъ вымысломъ? Развѣ національная идея будетъ поражена на смерть? Развѣ нѣмецкіе патриоты не ссжкнутся еще плотнѣе? не вооружатся съ большимъ ожесточеніемъ и энергіей противъ насъ? не сблизятся еще тѣснѣе съ Пруссіей, этой и безъ того плотной и крѣпкой пирамидой ружей? И что же будетъ на другой день войны? Германская задача не разрѣшенная, вооруженный миръ и—вторая война, еще болѣе упорная.

«А Франція найдетъ—ли свободу въ побѣдѣ? Тысячи людей, убитыхъ или изувѣченныхъ, сожженные и опустошенные города, деревни и поля сдѣлаютъ—ли ее первую между свободными націями? Да и гдѣ написано, гдѣ предопредѣлено, чтобы Франція вышла непременно побѣдительницею изъ этой пробы усовершенствованныхъ ружей и пушекъ? Развѣ кампанія 1866 года не доказала, что превосходство вооруженія съ одной стороны, а съ другой случайность болѣе или менѣе скорого сосредоточенія войскъ, играютъ нынѣ рѣшительную роль? Личная храбрость не значитъ теперь ничего, или значить очень мало, въ счастливомъ или въ несчастномъ исходѣ грозной борьбы полумиліона людей. Не хотимъ—ли мы показать, что французское мужество выше мужества прусскаго или нѣмецкаго, что ружье Шасспо убиваетъ лучше и скорѣе, нежели ружье Дрейзе? Подобная политика, или, точнѣе, подобная игра, была бы безчестіемъ народа.

«Возразять: въ Пруссіи и въ Германіи обаяніе милитаризма нынѣ такъ всесило, что беретъ верхъ надъ всею политикою, внутреннею и вѣшнею. Не споримъ. Но какая тому причина? Не та-ли, что пруссаки и нѣмцы имѣютъ прирожденную страсть къ воинственнымъ приключеніямъ? Полноте! Владѣтельные князья и феодалыные бароны могутъ любить кровавыя игры, могутъ жаждать завоеваній—это законъ естественный; но чтобы собственно народъ на Шпрее и на Майнѣ, на Эльбѣ или на Рейнѣ, раздѣляя эту любовь, эту страсть къ истребленію—возможно-ли бросать подобное оскорбленіе въ лицо нашимъ зарейнскимъ братьямъ?... Если милитаризмъ въ такой большой чести между ними, то потому, что они боятся Бонапарта второй имперіи почти столько же, сколько боялись Бонапарта первой; если Бисмаркъ могъ сдѣлать изъ всей Германіи армию дисциплинированную на прусскій образецъ, то потому, что Германія убѣдилась, что препятствіе ея національному единству въ рукахъ того, кто провелъ линію Майна; если уніонисты, національные либералы пожертвовали правами нѣмецкаго народа прусскому милитаризму, то потому, что они знаютъ, что преграду ихъ стремленіямъ образуютъ восемь сотъ тысячъ французовъ (?), вооруженныхъ ружьемъ Шасспо, дальнотрѣльными пушками и картечницами».

По мнѣнію автора, единственнымъ средствомъ предупредить враждебное столкновеніе Франціи съ Пруссіей было бы: уничтожить личное правленіе Луи-Наполеона, возстановить свободу, упрочить миръ чрезъ посредство французской націи и торжественно признать за нѣмецкою націей право устроиваться, какъ ей угодно. «Въ тотъ день, когда германскіе патріоты удостовѣрятся, что они полные хозяева своихъ судьбъ, и что Франція рѣшилась не вѣшпиваться въ ихъ внутреннія дѣла, въ этотъ день прусскій милитаризмъ получитъ жестокій ударъ и свобода вновь расцвѣтетъ во всей Германіи. До тѣхъ же поръ будетъ вооруженный миръ или война, и политика постепеннаго поглощенія, такъ мастерски ведомая Бисмаркомъ съ 1863 года, будетъ преусцѣвать болѣе и болѣе».

Многія изъ предвидѣній французскаго публициста оправдались событіями, совершающимися въ настоящую минуту; но Вильборъ, конечно, и вообразить не могъ, чтобы *дѣло господина фонъ Бисмарка* отразилось такими грозными послѣдствіями на судьбѣ Франціи.

Военная гигиена (наука о сохраненіи здоровья) и первая помощь больнымъ и раненымъ въ отсутствіи врача. Настольная книга для офицеровъ. Съ 42 иллюстрированными политипажами. Составилъ докторъ медицины Д. В. Бедровъ. Санктпетербургъ. 1870 года.

Въ послѣднее время, въ заграничной литературѣ стали появляться въ значительномъ числѣ популярныя сочиненія о сохраненіи здоровья. Распространеніе знаній въ массѣ общества, къ какой бы дѣятельности оно ни было приложено, всегда служить залогомъ успѣха, но ни въ одной области человѣческихъ знаній популяризація научныхъ истинъ не можетъ принести такой пользы, какъ въ медицинѣ. Эту истину сознаютъ лучшіе врачи и научные дѣятели Европы, имѣющіе въ виду, дѣйствительно, общественную пользу, а не ратующіе въ видахъ сохраненія интересовъ узкаго и замкнутаго кружка врачей; они всеми мѣрами стараются о популяризаціи медицинскыхъ свѣдѣній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что большинство болѣзней, угнетающихъ человѣчество, происходитъ не отъ случайностей, не отъ особенностей и недостатковъ организма, встрѣчающихся довольно рѣдко, а отъ тѣхъ физическихъ и нравственныхъ условій, въ которыхъ живетъ человѣкъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, легко усмотрѣть, что въ дѣлѣ сохраненія здоровья какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества, главнѣйшую роль играютъ мѣры предупрежденія болѣзни, а не тѣ, которыя предпринимаются для исправленія уже испорченнаго организма. Распространеніе образованія и здравыхъ научныхъ понятій въ обществѣ всегда будетъ оцлотомъ отъ вреднаго вліянія болѣзней, ослабитъ шарлатанство и знахарство, которыя должны исчезнуть при свѣтѣ науки. Уже и въ настоящее время, порядочный докторъ, приступая къ изслѣдованію болѣзни, обращаетъ вниманіе на обстановку пациента и по ней нерѣдко можетъ дойти до корня болѣзни. Популяризація научныхъ медицинскыхъ свѣдѣній должна привести къ тому, чтобы обращеніе къ врачу производилось лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда необходимъ болѣе подробный разборъ сложной болѣзни пациента. Требовать совѣта доктора при всякомъ малѣйшемъ нездоровьѣ—это то же, что ежедневно носить къ часовщику карманные часы для того, чтобы заводить ихъ.

Признавая пользу распространенія гигиеническихъ и медицинскыхъ знаній вообще, нельзя не указать на особенную важность ихъ по отношенію къ военному сословію, находящемуся въ исклю-

чительныхъ и, можно положительно сказать, неблагоприятныхъ условій относительно сохраненія здоровья. Известно, что смертность въ войскахъ вообще гораздо значительнѣе, чѣмъ при другихъ занятіяхъ и профессіяхъ. По итѣнію Мельба (*Beitrag zur Ermittlung der Schädlichkeit gewisser Berufsarten*), постоянныя войска весьма вредно дѣйствуютъ на санитарное состояніе народовъ, какъ по значительной смертности, *едвое* превосходящей смертность остальныхъ классовъ общества, такъ и потому, что военная служба отрываетъ отъ брачной жизни лучшихъ и здоровѣйшихъ людей и тѣмъ вліяетъ на число и качество рожденій. Такимъ образомъ, военная гигиена, т. е. подробное ознакомленіе съ неблагоприятными условіями военного быта и со средствами къ ихъ уменьшенію, получаетъ значительную важность и становится совершенно необходимою для всякаго офицера. Съ другой стороны, понятно, что каждая армія должна имѣть свою гигиену, сообразенную съ особенностями военного устройства и съ климатическими условіями страны.

Въ нашей военной литературѣ, до сихъ поръ, недостатокъ популярныхъ сочиненій подобнаго рода составляетъ весьма важный пробѣлъ, пополняемый теперь выходомъ въ свѣтъ книги г. Бедрова, съ которою мы намѣрены познакомить читателей. До настоящаго времени, на русскомъ языкѣ военно-гигіеническія сочиненія предназначались исключительно для врачей, да и число ихъ было весьма незначительно (Чаруковскій, 1833 года; Четыркинъ, 1834 года); что же касается до руководства, которое было бы понятно каждому офицеру, и въ которомъ заключались бы доступно-изложенные наукою совѣты, относительно сохраненія здоровья солдата, то такого сочиненія не было совсѣмъ. Между тѣмъ, по странному недоразумѣнію, указываемому авторомъ, въ нашей военной литературѣ можно указать много полезныхъ и вполне популярныхъ сочиненій, относящихся до сохраненія здоровья лошадей и умѣнья ходить за ними, а знаніе діететики и теорія и практика ковки введены какъ обязательные предметы въ курсы нашихъ кавалерійскихъ школъ.

Военная гигиена русской арміи вообще должна значительно отличаться отъ сочиненій подобнаго рода, составленныхъ для другихъ европейскихъ арій, вслѣдствіе особыхъ условій нашей военной жизни. Къ числу этихъ условій можно отнести слѣдующія: 1) равноклиматность Россіи; 2) комплектованіе арій и сроки службы; 3) способы расквартированія, продовольствія, обмундированія, и 4) степень ма-

теріяльнаго и умственнаго развитія той среды, изъ которой наша армія пополняетъ свои ряды.

Цѣль труда г. Кедрова состоитъ именно въ томъ, чтобы, применяясь къ сказаннымъ особенностямъ, познакомить офицеровъ съ тѣми истинами, которыя выработала современная наука о сохраненіи здоровья, и приложить эти истины къ военному быту. При этомъ надобно замѣтить, что популярное изложеніе научныхъ истинъ дѣло далеко нелегкое, такъ что даже европейская наука насчитываетъ немного именъ извѣстныхъ способностей сжатого и понятнаго изложенія, а общество высоко цѣнить ихъ заслуги: извѣстно, какими успѣхомъ пользовались письма К. Фогта, этюды Молешота, сочиненія Льюиса и др. Главнѣйшая трудность заключается въ томъ, что популярное изложеніе, при сжатости, должно сохранять извѣстную полноту, что все второстепенное должно быть рѣзко отдѣлено отъ главнаго и существеннаго, а все выдающееся, все замѣчательное, должно бросаться въ глаза и легко удерживаться въ памяти. Имѣя въ виду эти трудности, авторъ относится къ своей книгѣ съ большою скромностью, какъ къ опыту далеко неполному, и проситъ снисхожденія читателей.

Несмотря на то, мы съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ первой русской военной гигиенѣ и полагаемъ, что изданіе подобной книги принесетъ немалую пользу нашему военному сословію и книга сдѣлается настольною для каждаго командира части. Важно то, что *положено начало* распространенію необходимыхъ познаній въ нашемъ военномъ обществѣ; развитіе же и усовершенствованіе ихъ есть только вопросъ времени. Познанія, заключающіяся въ военной гигиенѣ, до такой степени необходимы, что преподаваніе ихъ въ нашихъ военныхъ училищахъ было бы дѣломъ вполне полезнымъ. Намъ извѣстно, что въ одномъ изъ военныхъ училищъ опытъ преподаванія гигиены былъ сдѣланъ въ видѣ частныхъ, необязательныхъ лекцій, причемъ авторъ разбираемой книги былъ лекторомъ; казалось бы, что введеніе подобныхъ лекцій *во все* военныя училища было бы дѣломъ и полезнымъ, и удобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ лекторахъ затрудненій встрѣтиться не можетъ (*).

Имѣя въ виду пользу книги г. Кедрова, мы познакомимъ читателей нѣсколько подробнѣе съ ея содержаніемъ.

Книга раздѣляется на двѣ части: *общую* и *частную*, по своей

(*) Извѣстно, что военное министерство принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ распространенію гигиеническихъ свѣдѣній въ войскахъ; извѣстно также, что, при нѣкоторыхъ окружныхъ штабахъ уже читались популярныя лекціи по военной гигиенѣ истинными военными врачами.

ству главнѣйшихъ условій, имѣющихъ вліяніе на здоровье солдата; въ концѣ находятся, въ видѣ приложений, правила пособій больнымъ и раненымъ въ отсутствіи врача.

Въ *общихъ* условіяхъ, вліяющихъ на здоровье человѣка, относятся: климатъ, воздухъ и мѣстность. Такъ какъ вліяніе ихъ постоянное, то на изученіе этихъ условій авторъ предположилъ обратить самое полное вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ военномъ быту вліяніе ихъ чаще ощущается: переходы изъ одного климата въ другой совершаются нерѣдко, и измѣняютъ совершенно всю физическую обстановку жизни солдата.

Въ отношеніи климата, Россія далеко непохожа на другія европейскія государства. Раскинувшись на огромномъ пространствѣ, она представляетъ всѣ измѣненія температуры, начиная отъ самыхъ сѣверныхъ полярныхъ странъ Сибири и Архангельской губерніи и кончая теплыми, почти тропическими мѣстностями Кавказа и южнаго берега Крыма. Изученіе каждаго климата отдѣльно представляется, следовательно, совершенно необходимымъ, для чего авторъ подраздѣляетъ Россію на три отдѣла: холодный, умеренный и теплый. Само собою разумѣется, дѣленіе это не можетъ имѣть точныхъ границъ, а лишь только приблизительныя: такъ, приблизительно въ полосу холоднаго климата входятъ военные округа Петербургскій, Финляндскій, Рижскій, Восточно-Сибирскій и часть Московскаго (Тверская и сѣверные уѣзды Владимірской губерніи).

Не дѣлая подробнаго описанія холоднаго климата, слишкомъ хорошо намъ извѣстнаго, укажемъ на нѣкоторыя статистическія данныя, опредѣляющія степень его вліянія на здоровье. Напримѣръ, припомнимъ, что число дней съ дождемъ и снѣгомъ достигаетъ во многихъ мѣстахъ до половины всего числа дней въ году и не упадетъ менѣе трети; припомнимъ разницу въ 60° по Р. между температурою зимы и лѣта, рѣзкія перемѣны температуры весной и осенью и частые холодные вѣтры, составляющіе отличительный признакъ нашихъ странъ.

Понятно, что такія особенности климата должны имѣть значительное вліяніе на здоровье человѣка. Дѣйствительно, сгущенный воздухъ холоднаго климата развиваетъ процессъ дыханія до очень высокой степени; оно дѣлается глубокимъ и медленнымъ, и поддерживаетъ ту внутреннюю теплоту, которая такъ необходима при низкой температурѣ холодныхъ странъ. Вслѣдствіе значительнаго развитія процесса дыханія и образованія животной теплоты, пищеварительные органы становятся необыкновенно дѣтельными, отчего и зависятъ тотъ гро-

мадный, доходящій у коренныхъ жителей сѣвера до обжорства, апитать, такъ какъ, для образованія внутренней теплоты, требуется огромное количество пищи, состоящей преимущественно изъ углеродистыхъ веществъ (животные жиры и мучнистые продукты).

Отъ этихъ коренныхъ условій жизни на сѣверѣ происходятъ всѣ остальные особенности его обитателей: долговѣчное здоровье, крѣпость организма и физическая сила, выносливость и хорошее развитіе умственныхъ способностей. Болѣзни, присущія жителю сѣвера, суть воспаления (преимущественно грудныхъ органовъ) и ревматизмы; сифилисъ выражается въ самыхъ упорныхъ формахъ.

Что касается до *освоенія* человѣкомъ съ холоднымъ климатомъ, то, хотя оно и совершается довольно легко, ибо организмъ скоро приспособляется къ дѣйствию холода (*), а нѣкоторыя болѣзни, свойственныя жаркому климату, какъ, напримѣръ, болѣзни печени, даже совершенно излечиваются на сѣверѣ; но другія болѣзни, именно грудныя, становятся тамъ смертельными. По вышесказанной причинѣ, необходимо поставить за правило, при назначеніи рекрутовъ изъ южныхъ провинцій въ сѣверные военные округа на службу, тщательно свидѣтельствовать ихъ, и всѣхъ оказавшихся слабогрудными лучше не посылать на сѣверъ.

Въ гигиеническомъ отношеніи, для сохраненія здоровья человѣка въ сѣверныхъ странахъ, необходимо принимать особыя мѣры относительно *жилища, одежды и пищи*. Не говоря о первыхъ двухъ условіяхъ, примѣненіе къ которымъ достаточно извѣстно каждому, мы обратимъ вниманіе на послѣднее, часто ускользающее изъ виду при административныхъ соображеніяхъ.

Пища въ холодномъ климатѣ должна быть обильная, питательная и болѣе плотная, нежели жидкая. Жѣлье, рыба во всѣхъ видахъ и свинина не приносятъ вреда здоровью. Такъ какъ пищевареніе про-

(*) Считаю лишнимъ привести здѣсь весьма интересное наблюденіе этого рода, заимствованное нами изъ книги „Популярная гигиена“, соч. Реклама. При совершеніи путешествія къ сѣверному полюсу въ 1853 году, на кораблѣ „Advance“ матросы хорошо переносили холодъ, благодаря усиленному питанію, потребность въ которомъ возрастала сама собою, по мѣрѣ приближенія къ полярному полюсу. Къ своему собственному удивленію, матросы стали поглощать, не только безъ вреда для здоровья, но даже съ очевидною пользою, такое количество жира и мяса, которое казалось имъ прежде невозможнымъ. Тутъ только они поняли, какимъ образомъ эскимосы ежедневно пожираютъ до 15 фунтовъ мясной пищи, изъ которой добрая треть состоитъ изъ жира. Подражая эскимосамъ, путешественники употребляли мясо въ сыромъ видѣ, съ прибавленіемъ уксуса и лимоннаго сока, и отлично переваривали эту пищу. Соль и содонина оказались вредными. Спиртные напитки производили также неблагоприятное дѣйствіе; напротивъ, чай и кофе приносили всегда большую пользу.

исходить на сѣверѣ быстро и съ энергіей, то пищу слѣдуетъ давать часто, три раза въ день, и притомъ много, до полнаго удовлетворенія голода; мясную пищу слѣдуетъ приправлять хрѣномъ, горчицей или чеснокомъ.

Изъ этого поверхностнаго обзорѣнія питанія въ холодномъ климатѣ легко усмотрѣть, что раціоны, опредѣляемые для довольствія войскъ, должны измѣняться сообразно съ географическою широтою мѣста расположенія войскъ. Понятно, что житель Архангельска не можетъ довольствоваться тѣмъ раціономъ, который полагается для обитателя Кубани.

Касательно напитковъ, употребляемыхъ въ сѣверномъ климатѣ, спорнымъ вопросомъ представляется употребленіе спирта. Нѣкоторые отвергаютъ его положительно, ни въ виду не вреда, приносимый спиртомъ, но легко взореняющееся злоупотребленіе имъ; другіе не отвергаютъ умѣреннаго употребленія спирта, да, кажется, этого и нельзя сдѣлать на основаніи научныхъ данныхъ. Но, признавъ пользу и необходимость спирта, надо соблюдать строгую осмотрительность въ его употребленіи, потому что, въ противномъ случаѣ, могутъ получиться самыя гибельныя результаты. Надо помнить, что спиртъ быстро возбуждаетъ организмъ; но, затѣмъ, также быстро наступаетъ реакція, и поэтому нигдѣ совѣты гигиены не приносятъ столь очевидной услуги, какъ при употребленіи спирта въ холодномъ климатѣ. «Часто», говоритъ авторъ военной гигиены, «вопросъ о раздачѣ винной порціи равняется вопросу о числѣ заболѣвшихъ ознобленіемъ и даже о внезапной смерти. Ни въ какомъ другомъ случаѣ спиртные напитки не приносятъ болѣе вреда, какъ при употребленіи ихъ *передъ усиленною работою*: передъ выступленіемъ въ походъ, на аванпосты, въ разѣзды, на работы и т. д. Чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ быстрѣе проходитъ возбуждающее дѣйствіе спирта и наступаютъ ослабленіе и сонливость, влекущая за собою потребность въ новой порціи вина, что неизбѣжно ведетъ къ опьяненію, послѣдствія котораго на походѣ и при большомъ морозѣ очевидны».

При употребленіи спирта авторъ предлагаетъ соблюдать слѣдующія правила: 1) ни въ какомъ случаѣ наевная чаша водки не должна быть раздаваема ранѣе обѣда, послѣ котораго необходимъ двухчасовой отдыхъ; 2) употребленіе водки солдатами, на свои деньги, при выступленіи съ ночлеговъ и въ большіе морозы, должно быть рѣшительно запрещено; 3) на ночь можно дозволить употребленіе спирта въ самомъ умѣренномъ количествѣ.

Въ заключеніе гигиены холоднаго климата, скажемъ о баняхъ,

которыя, возбуждая дѣятельность кожи, способствуютъ очищенію и укрѣпленію всего организма: бани слѣдуетъ употреблять, по возможности, чаще, не менѣе двухъ разъ въ мѣсяць.

Отличительная черта *умѣренного климата* состоитъ въ большой измѣнчивости метеорологическихъ данныхъ не столько по временамъ года, сколько по днямъ и даже по часамъ дня; кромѣ того, весна и осень отличаются весьма переѣнчивыми и частыми вѣтрами. Впрочемъ, *умѣренный климатъ* основательно считается самымъ благопріятнымъ для жизни и для полного развитія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ человѣка; преобладающихъ болѣзней, за исключеніемъ тифа, нѣтъ. Умѣренный климатъ занимаетъ очень большое пространство (въ нему можно отнести военные округа: Виленскій, Варшавскій, Кіевскій, Харьковскій, Московскій, Казанскій, часть Оренбургскаго, часть Туркестанскаго и Западно-Сибирскій), и потому на окраинахъ своихъ переходитъ частію въ холодный, частію въ теплый.

Главное гигиеническое указаніе для сохраненія здоровья въ умѣренномъ климатѣ состоитъ въ томъ, чтобы соображаться съ измѣнчивостью метеорологическихъ условій и примѣняться къ нимъ. Въ особенности надо обращать вниманіе на зимнее помѣщеніе нижнихъ чиновъ, въ домахъ и въ казармахъ, которыя строятся во многихъ мѣстахъ этого климата (по указанію автора, особенно въ Варшавскомъ и въ Виленскомъ округахъ) съ недостаточными предосторожностями противъ атмосферическимъ измѣненій. Лѣтомъ и осенью надо избѣгать стоянни на болотистыхъ мѣстахъ и не допускать излишняго употребленія плодовъ—причины кроваваго поноса и перемежающихся лихорадокъ.

Что касается до климата, который авторъ называетъ *теплымъ*, то его собственно нѣтъ въ климатологіи; но такъ какъ южная часть нашей территоріи носитъ отпечатокъ жаркаго климата, хотя и не принадлежитъ къ нему, то климатъ этой полосы, по необходимости, должно назвать теплымъ.

Особенность теплаго климата состоитъ въ томъ, что лѣто здѣсь весьма жарко, до 30° по Р. въ тѣни, и кромѣ того весьма рѣзки переходы отъ дневнаго зноя къ ночной свѣжести, причежъ разница въ показаніи термометра доходитъ до 15° по Р. Это обстоятельство весьма важно и на него слѣдуетъ обращать полное вниманіе при расположеніи войскъ на бивуакѣ. Старыя войска, давно служація въ тепломъ климатѣ, привычны къ нему и умѣютъ оградить себя отъ

рѣзкихъ переходовъ, но тѣмъ болѣе надо заботиться о войскахъ, недавно пришедшихъ въ такой край.

Дѣйствіе жаркаго климата на человѣка состоитъ въ томъ, что жаркій воздухъ подавляетъ процессъ дыханія, ослабляетъ пищевареніе и усиливаетъ, взаимно того, дѣятельность кожи и отдѣленія кишечнаго канала, особенно желчи. Въ тепломъ климатѣ организмъ человѣка слабѣетъ, нервная система раздражается.

Болезни, характеризующія теплый климатъ въ нашихъ владѣніяхъ, суть: эпидемическія—лихорадка и кровавый поносъ; нервныя—судороги и столбнякъ и, кромѣ того, внезапная—солнечный ударъ.

Въ числу русскихъ мѣстностей, расположенныхъ въ тепломъ климатѣ, безъ сомнѣнія относится Кавказъ, который, впрочемъ, по своимъ разнообразнымъ орографическимъ условіямъ, носитъ особенный отпечатокъ и представляетъ на незначительномъ пространствѣ соединеніе всѣхъ возможныхъ климатовъ, начиная отъ полярнаго холода и вѣчныхъ снѣговъ и кончая почти тропическимъ жаромъ нѣкоторыхъ долинъ. Въ этимъ особенностямъ Кавказа надо присоединить еще ту, что многія мѣстности отличаются лихорадками, свирѣпствующими здѣсь съ страшною силою и имѣющими самый жестокий и убійственный характеръ: сюда относятся Кубанская Область, низовья Куръ, Терекъ и южно-дагестанская котловина.

Изъ этого обзора особенностей теплаго климата ясно видно, какое вниманіе надо обращать на указанія гигиены при расположеніи войскъ въ подобныхъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ практика и окружающая жизнь являются хорошими помощниками наукъ: временные обитатели поневолѣ должны подражать постояннымъ жителямъ во всемъ касающемся выбора мѣстности для жилья, одежды, образа жизни, пищи и питья и проч. Такъ, для расположенія войскъ, слѣдуетъ выбирать мѣстности возвышенныя, обращенныя къ сѣверу, избѣгать болотистыхъ низменностей и т. д. Легкая шерстяная, преимущественно бѣлая, одежда лучшее предохраненіе отъ палящаго зноя; кромѣ того, необходимъ плащъ на ночь. Пища должна быть не обильная, растительная и всегда въ соразмѣрности съ физическимъ трудомъ; мучительная жажда утоляется преимущественно теплымъ питьемъ (чай, шалфей, мята); употребленіе плодовъ должно быть самое умеренное; спиртъ употреблять рѣдко и въ небольшомъ количествѣ.

Въ характеристикѣ гигиены теплаго климата надобно прибавить, что нѣкоторыя болезни, имѣющія весьма опасный характеръ на сѣверѣ, напримѣръ грудныя, легко излечиваются сами собою въ юж-

ныхъ странахъ, и потому было бы полезно молодыхъ рекрутовъ, уроженцевъ сѣвера, съ слабою грудью и съ зародышами грудныхъ болѣзней, посылать на службу въ южные военные округа.

Указавъ на гигиеническія особенности разныхъ климатовъ, авторъ переходитъ къ рассмотрѣнію вліянія мѣстности на здоровье человѣка; затѣмъ къ рассмотрѣнію воздуха — этой могучей причины здоровья и болѣзней человѣка. «Атмосферный воздухъ», говоритъ онъ, «безпрестанно дѣйствуетъ на человѣка съ момента перваго дыханія и служитъ самымъ необходимымъ дѣятелемъ для поддержанія его въ теченіе всей жизни. По своему необходимому, громадному и постоянному значенію для человѣческаго организма и по разнообразію своихъ свойствъ, атмосферный воздухъ заслуживаетъ подробнаго изученія въ гигиеническомъ отношеніи». При изложеніи этой важной статьи, авторъ держится чисто-фактическаго пути: опредѣляетъ физическій составъ воздуха, измѣненіе его отъ постороннихъ примѣсей и проч., и только лишь намекаетъ на тѣ физиологическіе процессы, которые производитъ воздухъ въ организмѣ человѣка. Хотя авторъ самъ указываетъ въ предисловіи на этотъ пробѣлъ, ссылаясь на необходимость спеціальной подготовки для правильнаго уразумѣнія этихъ процессовъ, но намъ кажется, что понятное изложеніе ихъ, при помощи примѣровъ показанныхъ европейскими популяризаторами, значительно увеличало бы основательность познаній, прибрѣтенныхъ читателемъ «Военной Гигіены». Подробный составъ воздуха, его свойства и перечень постороннихъ примѣсей получаютъ значеніе только тогда, когда извѣстенъ путь, какимъ воздухъ дѣйствуетъ на организмъ; иначе эти свѣдѣнія будутъ представлять сухой сборникъ фактовъ, безъ внутренней связи. Такимъ образомъ автору пришлось умолчать о той роли, которую играетъ при дыханіи азотъ, совершенно умолчать объ азотѣ, о которомъ, несмотря на недавнее его открытіе, можно бы было сообщить нѣсколько положительныхъ фактовъ. Впрочемъ, въ этой статьѣ, авторъ съ достаточною подробностью излагаетъ составъ воздуха и перечисляетъ тѣ примѣси, которыя могутъ оказать вредное вліяніе на организмъ. Изъ числа послѣднихъ мы обратимъ вниманіе на тѣ, которыя, будучи недоступны для химическаго анализа, тѣмъ не менѣе несомнѣнно важны по ихъ дѣйствию на человѣка: мы говоримъ объ органическихъ примѣсяхъ или миазмахъ, раздѣляющихся на два рода: *миазмы животныя* и *миазмы* происходящія изъ болотъ.

Происхожденіе животныхъ миазмовъ слѣдующее: воздухъ, выдыхаемый изъ легкихъ, содержитъ въ себѣ значительное количество

углекислоты и водяного пара; въ этомъ послѣднемъ заключается *особое органическое вещество*, химическій составъ котораго неизвѣстенъ. То же вещество отдѣляется и при кожныхъ испареніяхъ; оно обладаетъ способностью разлагаться и быстро портить воздухъ и отъ него зависитъ особенный запахъ, ощущаемый въ жилищахъ, гдѣ помѣщается много людей, напримеръ въ спальняхъ школъ, въ казармахъ, въ тюрьмахъ и т. п. Отъ присутствія этого вещества происходятъ тѣ вредныя послѣдствія, отъ скопленія большаго числа здоровыхъ людей въ жилыхъ помѣщеніяхъ, даже при хорошей вентиляціи.

Но если при этомъ существуетъ дурное провѣтриваніе, то вредное дѣйствіе испорченнаго, разложившагося животнымъ веществомъ, воздуха обнаруживается въ полной силѣ и происходитъ настоящая миазма, дѣйствіе которой въ самомъ легкомъ случаѣ обнаруживается у людей болью головы, головокруженіемъ, рвотомъ, лихорадкою, а въ случаяхъ болѣе сильнаго дѣйствія, при постоянномъ пребываніи въ испорченной атмосферѣ, наступаетъ зараженіе крови, влекущее за собою болѣзни съ тифозною формою, и наконецъ развивается настоящій тифъ.

Такимъ образомъ дѣйствуютъ испаренія здоровыхъ людей. Но если животное вещество выдѣляется легкими и кожей больныхъ, одержимыхъ лихорадочными болѣзнями, каковы: тифъ, корь, оспа, скарлатина, жаба и другія, то нѣтъ сомнѣнія, что такіе продукты и испаренія будутъ несомнѣнно заражать здоровыхъ людей вышесказанными болѣзнями. Вотъ причина распространенія заразныхъ болѣзней.

Другія миазмы, не менѣе опасныя первыхъ, происходятъ отъ разложенія болотъ, содержащихъ въ себѣ множество газовъ, продуктовъ гніенія умершихъ животныхъ и растительныхъ организмовъ. Здѣсь также замѣчается *особое органическое вещество*, тоже неизвѣстнаго состава, какъ и животное, порождающее различныя заразительныя и эпидемическія болѣзни. Прохожденію и распространенію болотныхъ миазмъ способствуютъ два рода причинъ: внутреннія и внѣшнія. Къ первымъ относятся слѣдующія: 1) температура воздуха: чѣмъ она выше, тѣмъ дѣйствіе болотныхъ испареній сильнѣе; 2) высота мѣстности надъ уровнемъ моря: чѣмъ выше мѣстность, тѣмъ дѣйствіе заразы слабѣе; 3) отсутствіе преградъ и закрытій способствуетъ распространенію заразы и, наконецъ, 4) направленіе вѣтровъ. Къ *внутреннимъ* причинамъ, способствующимъ болѣе сильному дѣйствію болотныхъ испареній, относятся: полъ, возрастъ и

темпераментъ; мужчины средняго возраста и лимфатическаго темперамента наиболѣе подвержены заразѣ.

Въ заключеніе первой главы, авторъ упоминаетъ о гигиеническомъ значеніи свѣта и электричества.

Затѣмъ онъ переходитъ къ *частной* военной гигиенѣ, т. е. къ разсмотрѣнію тѣхъ условій жизни, которыя имѣютъ на здоровье человѣка хотя не менѣе важное, однако менѣе общее значеніе, чѣмъ предыдущія. Въ этомъ отдѣлѣ пять главъ, заключающихъ въ себѣ слѣдующіе предметы: 1) жилища солдатъ въ мирное и военное время; 2) одежда и опрятность; 3) пища и напитки; 4) тѣлодвиженія; 5) моральныя условія здоровья.

Изъ одного перечня предметовъ, входящихъ въ составъ этой части труда г. Кедрова, легко усмотрѣть до какой степени они интересны и поучительны для военнаго человѣка. Не имѣя возможности представить подробный разборъ каждой главы и отсылая желающихъ ближе съ ними ознакомиться къ самой книгѣ, мы постараемся указать здѣсь на наиболѣе интересные и выдающіеся предметы съ тѣмъ, чтобы читатель хотя отчасти могъ познакомиться съ содержаніемъ книги.

Быть можетъ, ни одинъ отдѣлъ военной гигиены не имѣетъ такого громаднаго значенія, какъ отдѣлъ объ устройствѣ жилищъ, казармъ. Надобно припомнить, что въ жилищѣ, въ домѣ, человѣкъ проводитъ *большую часть своей жизни*, и что вліяніе жилища почти такъ же важно въ отношеніи организма, какъ и вліяніе климата. Къ этому должно прибавить, что человѣческая натура, вслѣдствіе известной своей особенности, *привыкаетъ* къ данной обстановкѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, *лишается правильно сужденія о ней*. Привычка, въ этомъ случаѣ, можетъ привести къ самымъ пагубнымъ результатамъ, ибо зло не пресѣкается: оно дѣйствуетъ незамѣтнымъ образомъ, но за то слишкомъ дѣйствительнымъ; привыкнуть къ дурному жилью, значитъ примириться съ собственнымъ отравленіемъ. Усиленная смертность, повальныя болѣзни, тифъ, горячки, чахотки, вырывающія ежегодно тысячи жертвъ изъ рядовъ нашей арміи, въ большей части случаевъ имѣютъ своимъ источникомъ размѣщеніе нижнихъ чиновъ, несообразное съ совѣтами и правилами гигиены.

Принявъ во вниманіе всю важность предмета размѣщенія войскъ, мы познакомимъ читателей нѣсколько подробнѣе съ этимъ отдѣломъ книги г. Кедрова.

Въ мирное время, для помѣщенія солдатъ служатъ: 1) казармы, 2) бараки, 3) лагеря и 4) обывательскіе дома; въ военное, кромѣ

того, казарматы въ крѣпостяхъ, землянки въ лагеряхъ, а на походѣ весьма часто бивуаки.

«*Расположеніе войскъ въ казармахъ*—говоритъ авторъ—безусловно выгодно въ военномъ и административномъ отношеніяхъ; въ гигиеническомъ же только при строжайшемъ соблюденіи всѣхъ необходимыхъ условій, какъ со стороны строителей казармъ, такъ равно и со стороны квартирующихъ войскъ». Между тѣмъ, большинство старыхъ казармъ, служащихъ для размѣщенія войскъ, построены у насъ безъ соблюденія гигиеническихъ условій, причемъ въ особенности мало было обращено вниманія на хорошую вентиляцію и на надлежащее количество воздуха, необходимое для каждаго человѣка. Последнее до такой степени важно, что, въ нѣкоторыхъ государствахъ, число кубическихъ футовъ воздуха, необходимое для каждаго солдата при помѣщеніи въ казармахъ, вошло въ законодательство; такъ, во Франціи, въ силу регламента 1856 года, положено на пѣхотнаго солдата 12, а на кавалерійскаго 14 кубическихъ метровъ воздуха; въ Англіи, въ силу постановленія 1859 года, на каждаго человѣка положено 600 кубическихъ футовъ воздуха.

Извѣстно, что вопросъ о постройкѣ казармъ рѣшенъ въ настоящее время нашими военнымъ вѣдомствомъ положительно. Нельзя достаточно совѣтовать будущимъ строителямъ казармъ ознакомиться какъ можно ближе съ тѣми требованіями гигиены, которыя указаны въ разбираемой нами книгѣ; нѣтъ сомнѣнія, что въ ней нельзя найти совершенно точной и подробной инструкціи, могущей руководить строителя, но за то здѣсь упомянуто обо всемъ важномъ, что непременно нужно имѣть въ виду для сохраненія здоровья солдатъ. Авторъ довольно подробно описываетъ устройство казармъ, начиная съ выбора мѣста для нихъ и общаго направленія фасада и кончая различными способами вентиляціи, отопленія и освѣщенія ихъ; не упущены также изъ виду мѣры, способствующія опрятности нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ главнѣйшія суть: бани, прачешныя и замѣна наръ желѣзными кроватями (*).

«*Разсмотрѣвъ устройство казармъ*», говоритъ въ заключеніе авторъ, «и указавъ все то, что необходимо соблюдать въ отношеніи

(*) О нарахъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Самая главная причина труднаго уничтоженія насѣкомыхъ есть нары, на которыхъ нижніе чины спятъ въ повалку, чрезъ что паразиты имѣютъ возможность равномерно распространяться между всеми нижними чинами (самые опрятнѣйшіе, помимо своей воли, подвергаются общей участи)“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о неудобствѣ спанья рядомъ въ томъ отношеніи, что негодный, выдыхаемый воздухъ непосредственно поглощается сосѣдомъ.

сохраненія здоровья солдатъ, нельзя пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что большая часть казармъ, въ которыхъ помѣщаются всѣ армейскіе и нѣкоторая часть гвардейскихъ полковъ, выстроены въ прежнее время, когда почти вовсе не обращали вниманія на соблюденіе гигиеническихъ условій, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего являютъ въ казармахъ сырость и спертый воздухъ, двѣ главныя причины заболѣваній различными недугами, на первомъ планѣ между которыми стоятъ легочная чахотка, болѣзнь, какъ извѣстно, неизлечимая и вырывающая огромное число жертвъ ежегодно изъ рядовъ какъ армій, такъ и гвардіи. Такъ, напримѣръ, въ семилѣтній періодъ времени съ 1855 по 1862 годъ, во всѣхъ войскахъ умерло отъ *легочной чахотки 70,248 человекъ*, не считая оставшихся въ живыхъ, имѣвшихъ несомнѣнные признаки болѣе или менѣе развитой болѣзни и уволенныхъ въ отпускъ по неспособности къ военной службѣ. Сырость въ казармахъ появляется, по преимуществу, въ зимнее время, когда, при сильныхъ холодахъ, наружныя стѣны казармъ промерзаютъ и пропускаютъ влажность во внутренніе понои; отъ этого въ нихъ образуется плесень, особливо въ углахъ комнаты, которая, оттаивая, вслѣдствіе притока внутренняго, теплаго воздуха, еще болѣе увеличиваетъ сырую и вредную испаренія. Существованіе сырости еще болѣе поддерживается ветхими и дурно встарелыми оконными переплетами, дающими течь и пропускающими холодный воздухъ, притокъ котораго образуетъ паръ, еще болѣе поддерживающій сырость. Усиленная топка, существующая въ казармахъ, голландскихъ и желѣзныхъ печей, конечно не въ состояніи уничтожить сырости, для уничтоженія которой необходимо введеніе пневматическаго отопленія, а въ тѣхъ казармахъ, гдѣ этой системы приложить невозможно, слѣдуетъ произвести капитальныя перестройки для введенія пневматической системы отопленія. Какъ велики бы ни были затраты суммъ на улучшеніе казарменныхъ зданій, онѣ все таки будутъ ничтожны, если сравнить ту пользу, которую онѣ приносятъ здоровью войскъ и уменьшать смертность въ рядахъ армій, что, какъ извѣстно, принесетъ громадныя выгоды государству, сберегая его силы отъ напрасной траты людей.

«Вторая причина нездоровости старыхъ казармъ, какъ уже упомянуто выше, есть спертый воздухъ, зависящій отъ того, что комнаты тѣсны и малы, а это мѣшаетъ ровному и правильному распределенію воздуха, и провѣтриваніе въ нихъ совершается только посредствомъ форточекъ, чего, конечно, весьма недостаточно, да и тотъ же этотъ способъ весьма неудобенъ, такъ какъ, въ большей ча

сти казармъ, форточки устроены въ нижнемъ или среднемъ переплетѣ рамъ, стечею холодный воздухъ беспокоитъ живущихъ и можетъ повлечь за собою простуду, и, по справедливости, нелюбимъ нашими солдатами. Устройство правильной вентиляціи, въ старыхъ казармахъ, будетъ возможно только тогда, когда будетъ введена правильная система пневматическаго отопленія, допускающаго возможность самой сильной и непричиняющей ни малѣйшаго вреда и неудобства вентиляціи.

«Чтобы казарменная жизнь не причиняла вреда здоровью живущихъ, необходимы слѣдующія условія, безъ которыхъ невозможно избѣжать большой смертности въ арміи: 1) уничтоженіе сырости въ казармахъ, при посредствѣ хорошей системы отопленія; 2) уничтоженіе испорченнаго воздуха, при посредствѣ правильной вентиляціи и 3) уничтоженіе неопрятности, введеніемъ кроватей для каждаго солдата и устройствомъ, при казармахъ, хорошихъ бань и при нихъ прачешныхъ.

«Итакъ, недостатокъ чистаго воздуха, сырость, неопрятность, жизнь въ пространствахъ спертыхъ, душныхъ и наполненныхъ угольною кислотою, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ бугорчатой чахотки и другихъ хроническихъ недуговъ. Только со введеніемъ въ казармахъ всѣхъ условій, требуемыхъ гигиеною, уменьшатся въ войскахъ громадная цифра больныхъ чахоткою и другими хроническими недугами, и измѣнится фактъ, приводимый Эстерленомъ и другими авторами, состоящій въ томъ, что между солдатами умираетъ отъ болѣзней гораздо больше, нежели въ гражданскомъ населеніи одного и того же возраста. Такъ, между военными умираетъ изъ тысячи отъ 17 до 20 человекъ, въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ, тогда какъ въ гражданскомъ населеніи того же возраста умираетъ всего отъ 9 до 10 человекъ».

Изъ остальныхъ мѣстъ, въ которыхъ помѣщаются войска, наиболѣе неблагоприятное вліяніе на здоровье оказываютъ землянки, которыя слѣдуетъ строить лишь въ случаѣ крайней необходимости, въ ненастную погоду и сильную стужу; такъ были размѣщены наши и непріятельскія войска подъ Севастополемъ и Балаклавой. При устройствѣ землянокъ надобно прежде всего озаботиться о томъ, чтобы сколько-нибудь осушить ея внутреннія стѣны. Для этого, по вырытіи ямы, въ нее набрасываютъ сухаго хвороста и зажигаютъ его; затѣмъ обмазываютъ полъ и стѣны глиною и снова обжигаютъ; потомъ утверждаютъ посреди землянки столбъ для поддержанія крыши и вымощиваютъ полъ досками или, еще лучше, кирпичемъ; въ углу

складываютъ печь и выводятъ трубу, какъ для отвода дыма во время топки, такъ и для выхода испорченнаго воздуха. Нагрѣвать землянку горячими угольями опасно, такъ какъ окись углерода и угольная кислота, скопившись, могутъ произвести удушеніе. Въ землянкахъ солдаты должны наблюдать всевозможную чистоту и опрятность, не ложиться на голомъ полу, не курить; чаще выходить на воздухъ и ночью не закрывать герметически землянку, а оставлять хотя небольшое отверстіе для притока свѣжаго воздуха.

Удобство размѣщенія въ баракахъ и лагеремъ въ палаткахъ зависитъ не столько отъ самаго жилья, сколько отъ выбора мѣста, которое необходимо должно быть сухо, песчано, открыто для обвѣванія вѣтромъ и вблизи хорошей проточной воды. Тоже можно сказать и о бивуакахъ на открытомъ воздухѣ, расположеніе въ которыхъ лѣтомъ и въ сухую погоду не оказываетъ на солдатъ дурнаго вліянія.

Въ военное время не слѣдуетъ располагать бивуакъ вблизи поля сраженія, особенно на продолжительное время: иначе развитіе пятнистаго тифа и повальныхъ горячекъ неизбежно; при расположеніи войскъ на мѣстѣ непріятельскаго бивуака, надо сжечь все что оставлено непріятелемъ и ни въ какомъ случаѣ не ложиться на мѣстахъ непріятельскихъ шалашей или палатокъ, гдѣ, быть можетъ, находились больные заразительными болѣзнями. Въ дождливую и сырую погоду, если есть возможность, всегда слѣдуетъ строить шалаша изъ соломы или хвороста; при крайнемъ же недостаткѣ этихъ матеріаловъ, лучше употреблять ихъ на подстилку, нежели на покрывку, такъ какъ холодъ и дождь не столько принесутъ вреда здоровью, сколько испаренія сырой земли, если солдаты принуждены будутъ лежать непосредственно на ней. На бивуакѣ полезно разводить костры, которые необходимы для сушки мокрой одежды, а зимою нѣсколько умѣряютъ стужу. Точно также необходима ежедневная порція воды и сытная обильная пища. Зимой солдаты должны быть тепло одѣты и обуты; если нѣтъ шалашей, ложиться спать въ круги, около которыхъ на значительномъ разстояніи разводить костры.

Наиболѣе благопріятное вліяніе на здоровье солдатъ оказываетъ всегда расположеніе на квартирахъ, по бытовательскимъ домамъ и въ деревняхъ въ особенности. Несмотря на жалкую постройку домовъ въ нашихъ деревняхъ, несмотря на отсутствіе трубъ и прочія неудобства, никогда въ казармахъ или въ другихъ помѣщеніяхъ солдаты не падаютъ въ лучшемъ положеніи относительно здоровья; это еще разъ доказываетъ, что просторъ, чистый воздухъ и извѣст-

ная свобода въ распоряженіи своимъ временемъ суть первыя, непремѣнныя условія физическаго здоровья. Поэтому гигиена совѣтуетъ, при всякой возможности, выводить людей изъ казармъ и располагать ихъ по деревнямъ, что имѣетъ еще ту выгодную сторону, что казармы въ это время осушаются, провѣтриваются и подвергаются необходимому ремонту.

Въ слѣдующей главѣ авторъ разсматриваетъ гигиеническое значеніе одежды, головнаго убора, снаряженія и обуви солдата. Въ настоящее время во всѣхъ арміяхъ на эти предметы обращено достаточное вниманіе (*), но значительный вѣсъ всего носимаго солдатомъ препятствуетъ совершенно удовлетворительному разрѣшенію вопроса; до сихъ поръ грудь и плечи солдата чрезмѣрно обременены. Говоря о принятой у насъ формѣ и пригонкѣ ранца, авторъ приводитъ снабженное чертежами описаніе ранцевъ, имѣющихся въ другихъ государствахъ, причемъ особенно новою и замѣчательною оказывается мысль д-ра Паркса (въ англійской арміи)—перенести часть тяжести со спины на бедра, посредствомъ особыхъ изогнутыхъ прутьевъ, съ одной стороны поддерживающихъ ранецъ, а съ другой упирающихся въ поясъ. Намъ кажется, что было бы недурно часть ноши солдата, заключающейся въ ранцѣ, именно мелкія вещи, перенести въ карманы, расположенные въ нагавитѣ и въ шароварахъ. Эти мелкія вещи наичаще нужны солдату на бивуакѣ и, будучи въ карманахъ, подъ рукою, скорѣе пойдутъ въ дѣло, не принуждая каждый разъ распаковывать ранецъ. Такіе карманы имѣются въ австрійской арміи, въ стрѣлковыхъ частяхъ, одѣтыхъ въ весьма удобный и красивый костюмъ. Кроме того, надо ожидать, что желѣзныя дороги позволяютъ хотя временно облегчить ношу солдата.

Въ заключеніе авторъ говоритъ объ опрятности и значеніи ея въ отношеніи здоровья войскъ. Несоблюденіе опрятности ведетъ къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ, порождаетъ такія болѣзни, что руководителямъ войскъ, офицерамъ, слѣдуетъ обратить полное вниманіе на приученіе войскъ къ чистотѣ, которая можетъ быть поддержана постоянною ежедневною чисткою и, кроме того, банями и купаньями. «Происхожденіе русскихъ бань», говоритъ авторъ, «такъ же древне, какъ и происхожденіе Руси, что указываетъ на ту пользу, которую онѣ приносятъ здоровью, и на привычку къ нимъ всѣхъ слоевъ обще-

(*) Авторъ, между прочимъ, совѣтуетъ ввести въ войска шерстяную фуфайку, какъ необходимую принадлежность костюма; нагрудники, такъ любимые солдатами, онъ порицаетъ.

ства». Наши простотелюдины, по инстинктивному сознанию, весьма любятъ бани, такъ что въ каждой, хотя бы самой ничтожной, деревнѣ непременно находится баня. Благоприятное вліяніе русской паровой бани состоитъ въ томъ, что она, возстановляя дѣятельность кожи, не ослабляетъ, но укрѣпляетъ организмъ. Рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду приучаютъ организмъ къ этимъ переходамъ и дѣлаютъ его нечувствительнымъ къ атмосферическимъ переѣнамъ; при этомъ надо замѣтить, что опасеніе простуды, при переходѣ изъ жаркой бани въ снѣгъ или въ холодную воду, какъ это часто дѣлаютъ наши простотелюдины, положительно не имѣетъ мѣста: въ банѣ температура организма возвышается противъ нормальной на 5° по Цельсію и потеря этого излишка не можетъ повести за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій.

Но не только полезно для солдатъ купанье лѣтомъ, но при нѣкоторыхъ болѣзняхъ оно должно быть положительно запрещено; сюда относятся: общее полнокровіе, органическія болѣзни органовъ дыханія и сердца, при которыхъ люди чувствуютъ одышку, трепетаніе сердца и приливы крови къ голоѣ. Само собою разумѣется, что мѣсто для купанья должно быть выбрано неглубокое, съ песчанымъ дномъ и обставлено вѣхами, во избежаніе несчастій.

Засамъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію пищи и питанія. «Въ человѣческомъ тѣлѣ—говоритъ онъ—какъ и во всякомъ живнью одаренномъ существѣ, происходитъ непрерывное измѣненіе и обіѣнъ веществъ, вѣчное движеніе составныхъ частей. Разложившееся и негодное для организма, выводится изъ него различными способами, а для возстановленія этой постоянной потери организма, необходимо человѣку принятіе новыхъ веществъ извнѣ, подъ видомъ пищи и питья; только при этихъ условіяхъ сохраняется всегда одинаковый составъ и цѣлость органовъ и формъ нашего тѣла. Удовлетвореніе этой естественной потребности природа напоминаетъ человѣку въ видѣ чувства голода и жажды. Пища и питье, по своему качеству, должны быть сходны съ утраченнымъ организмомъ, или, во крайней мѣрѣ, способны превратиться въ сходныя или даже и равныя ему соединенія. Значеніе принатія пищи и питья для организма всегда одно и то же: возстановленіе и поддержаніе утраченнаго. Никогда и нигдѣ человѣкъ не могъ существовать безъ пищи».

Установивъ, такимъ образомъ, общій взглядъ на значеніе питанія, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ веществъ по степени ихъ питательности и удобоваримости, указываетъ на вредныя примѣси, находящіяся въ продуктахъ, на признаки, по которымъ

можно отличить годный продукт от негоднаго и вреднаго и, наконецъ, обращается къ продовольствію нашей арміи.

Изъ табели, опредѣляющей количество пищи отпускаемой для каждаго солдата видно, что продукты первой потребности, т. е. хлѣбъ и мясо, отпускаются въ достаточной пропорціи, хотя количество мяса слѣдовало бы увеличить, такъ какъ солдатъ получаетъ его въ годъ всего 2 пуда 18 фунтовъ въ теченіе 196 скоромныхъ дней, считая по полуфунту сыраго и съ костями мяса въ день, что составитъ менѣе четверти фунта варенаго мяса на человѣка; затѣмъ, въ остальные 169 дней, животной пищи солдатъ почти вовсе не получаетъ, если не считать незначительнаго количества снѣтковъ, идущаго въ видѣ приправы. Вообще составъ постной пищи далеко не такъ питателенъ, хотя удобоваримѣе скоромной, и строгое соблюденіе постовъ, при значительныхъ трудахъ и особенностяхъ военнаго быта, ведетъ къ обѣдненію крови и худосочию, особенно цинготному, и поэтому число постныхъ дней должно быть, по возможности, сокращено.

Въ сравненіи съ довольствіемъ, получаемымъ солдатами другихъ націй, оказывается, что нашъ солдатъ получаетъ вообще менѣе мяса, но за то гораздо болѣе хлѣба. Англійскій матросъ получаетъ ежедневно: 1 ф. хлѣба, 1 галонъ пива, 1 унцію какао, 1½ унціи сахару, 1 ф. сыраго мяса, 1½ фунта овощей и ¼ унц. чаю; всего въ годъ онъ получаетъ 9 пуд. мяса, т. е. почти въ 4 раза болѣе, нежели нашъ солдатъ (*). За то русскій солдатъ получаетъ *втрое* болѣе хорошаго хлѣба, что отчасти можетъ замѣнить мясо, а въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ мяса, которое онъ ѣстъ внѣ военнаго быта, въ сравненіи съ нашимъ крестьяниномъ, употребляющимъ около полупуда мяса въ годъ, онъ получаетъ въ 5 разъ болѣе.

Кромѣ удобоваримости и питательности пищи, необходимо соблюдать нѣкоторыя условія для удобнаго перехода пищи въ кровь. Инстинктъ весьма часто подсказываетъ, что надо дѣлать; такъ, нашъ простолудинъ и солдатъ, употребляющіе много ржанаго хлѣба, требующаго хорошаго измельченія (по мнѣнію доктора Реклама, хлѣбъ переваривается отъ 1½ до 6 и даже до 10 часовъ, смотря по достоинству жеванія), ѣдятъ тихо и съ разстановкою, отлично жууютъ и тѣмъ способствуютъ скорому перевариванію хлѣба.

Вообще при употребленіи твердой и жидкой пищи надо соблюдать слѣдующія гигиеническія правила:

(*) Солдатъ англійской *плоты* получаетъ въ годъ 6 п. 34 ф., т. е. *втрое* болѣе нашего.

1) Употребление пищи должно быть во время истинной потребности, т. е. когда человек чувствует голодъ, и лучше совсѣмъ не употреблять пищи, если не хочется ѣсть: иначе послѣдуетъ расстройство желудка. По этой причинѣ слѣдуетъ избѣгать между солдатами вредный предрасудокъ, состоящій въ томъ, что, при отсутствіи аппетита, солдаты стараются насильно употреблять пищу, въ убѣжденіи, что, вслѣдствіе подобной жѣры, исправляется пищевареніе.

2) Послѣ сильнаго утомленія и разгоряченія тѣла пищу слѣдуетъ принимать достаточно отдохнувши.

3) Наѣдаться до пресыщенія, въ особенности въ жаркое время, весьма вредно.

4) Послѣ сильнаго голоданія употреблять пищу слѣдуетъ не вдругъ, а мало по малу.

5) Винную порцію слѣдуетъ давать передъ самымъ обѣдомъ, но отнюдь не раньше.

6) Происшедшее расстройство желудка отъ неумѣреннаго употребленія пищи полезно устранять искусственною рвотой, обильнымъ питьемъ, но никакъ не водкою, отъ употребленія которой можетъ произойти воспаленіе.

Что касается до напитковъ, то авторъ обращаетъ наибольшее вниманіе на *воду и спиртъ*. Вода составляетъ необходимое условіе органической жизни и необходима человеку какъ для питья, такъ и для соблюденія опрятности; она почти такъ же необходима и важна какъ воздухъ и, вмѣстѣ съ нимъ, обуславливаетъ удобство того или другаго мѣста для жилья. Авторъ подробно разсматриваетъ различные роды воды, указываетъ на вредныя примѣси и даетъ средства для удобнаго очищенія испорченной воды. Тутъ же сообщаются способы и примѣты для отысканія грунтовой воды, которые могутъ весьма пригодиться въ разнообразныхъ случаяхъ военной жизни. Считаеиъ недлишнимъ привести нѣсколько такихъ примѣтъ: *ключей слѣдуетъ обыкновенно искать на сѣверномъ и западномъ склонѣ горъ; въ каменистыхъ горахъ они находятся близъ вершины, въ известковыхъ—у подошвы; въ мѣстахъ, гдѣ видна сочная трава, гдѣ летаютъ рои мошекъ; въ руслахъ высохшихъ ручьевъ; въ степяхъ узнаютъ ключи по клубамъ пара, виднѣющагося по утрамъ; наконецъ, испытываютъ степень влажности мѣста, зарывая неглубоко шкуру ягненка, ивовыя колья, покрытыя корою, и шомполъ и т. д. и замѣчаютъ степень ихъ увлажненія.*

Объ употребленіи спирта слышатся обыкновенно самыя разнорѣ-

чивыя мнѣнія какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ; нѣкоторые совершенно отвергаютъ его пользу и считаютъ его ядомъ, порождающимъ болѣзни, бѣдность и преступленія; другіе же, напротивъ, видятъ извѣстную пользу въ его употребленіи, особенно для бѣднаго класса нашего народа. Вопросъ этотъ мы считаемъ и важнымъ, и интереснымъ, а потому, пользуясь трудомъ г. Кедрова, попытаемся указать, какой взглядъ установился, на этотъ счетъ, въ наукѣ и какимъ образомъ ученія о дѣйствіи и послѣдствіяхъ спирта могутъ быть примѣнены къ здоровью солдата.

«Что такое спиртъ, въ чемъ состоитъ его дѣйствіе на организмъ?» спрашиваетъ авторъ. Понятіе о ядѣ въ общежитіи чрезвычайно ограничено; всякій легко согласится, что мѣшьякъ, сурьма, чилибуха, опій и проч.; яды, которыми легко отравиться—но невольно каждый недовѣрчиво улыбнется, если назвать спиртные напитки ядомъ, отъ котораго человѣчество погибаетъ неизмѣримо больше, чѣмъ отъ всѣхъ существующихъ ядовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Почти немислимо, чтобы человѣчество признало ядомъ то, что составляетъ для большинства лучшую отраду жизни, которымъ оно упивается, и отказаться отъ котораго то же, что отказаться отъ многихъ незамѣнимыхъ благъ и наслажденій. Но на самомъ дѣлѣ спиртные напитки есть положительный и ужасный ядъ, отъ котораго, по исчисленіямъ Леви, въ одной Англійи погибаетъ ежегодно 50,000 (?) человѣкъ, да кромя того половина помѣшанныхъ, двѣ трети бѣдныхъ и три четверти преступниковъ преданы пьянству. Г. Шелгуновъ показываетъ, что въ Россіи отъ спиртныхъ напитковъ ежегодно погибаетъ 40,000 человѣкъ (?).

«Въ нашей арміи, при очень строгой дисциплинѣ, при значительно-хорошихъ условіяхъ питанія организма и при большей развитости солдатъ, сравнительно съ остальною массою низшихъ классовъ общества, напримѣръ въ 1867 г., заболѣло отъ остраго отравленія спиртными напитками 366 человѣкъ, и изъ нихъ поплавились жизнью 12 человѣкъ».

«Но эти данныя не даютъ даже и приблизительнаго понятія о той громадной цифрѣ большею частью неизлечимыхъ хроническихъ болѣзней, причиною которыхъ, и притомъ большею частью единственною, служатъ отравы спиртными напитками».

Затѣмъ авторъ указываетъ на причины, побуждающія человека, несмотря на очевидныя гибельныя послѣдствія употребленія спиртныхъ напитковъ, употреблять ихъ и предаваться имъ съ увлеченіемъ, страстью и даже съ особеннаго рода любовью. Причины

этому двойного рода: 1) дѣйствіе спирта на организмъ и 2) условія, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя, со стороны организма, влекушія человека къ употребленію спиртныхъ напитковъ.

Дѣйствіе спирта на организмъ слѣдующее: принятый внутрь спиртъ, въ какой бы формѣ напитковъ онъ ни былъ, производитъ чувство теплоты въ желудкѣ, а потомъ и во всемъ тѣлѣ, особенное веселое расположеніе духа и живость во всѣхъ движеніяхъ; подобное возбужденное состояніе организма сдѣлается вялостью и наступаетъ затѣмъ склонность ко сну. Есть много степеней опьяненія, которыхъ теперь описывать не будемъ; но замѣтимъ, что общая черта пьянства состоитъ въ томъ, что человекъ, подъ вліяніемъ спирта, находится въ ненормальномъ, болѣею частью веселомъ, расположеніи духа, далеко противоположномъ обыденному настроенію, тѣло его ощущаетъ теплоту, и вообще (хотя чрезвычайно кратковременное) довольство.

Въ этомъ—то ненормальномъ состояніи души и тѣла нужно искать причины той сильной склонности къ потребленію возбуждающе-наркотическаго яда, именуемаго спиртомъ.

Физическія условія со стороны организма, заставляющія человека употреблять спиртные напитки, суть слѣдующія:

1) *Недостатокъ питательной пищи*. Вотъ что говоритъ Беккеръ о роли спиртныхъ напитковъ для человеческого организма: «Никакое вещество не можетъ такъ вѣрно предохранить отъ быстрого обіѣда тканей, содержащихъ азотъ и углеродъ, какъ спиртъ, и вотъ причина, почему спиртъ потребляется въ такомъ большомъ количествѣ тѣми состояніями, у которыхъ не достаетъ богатой азотомъ пищи; эти люди, въ силу того, что не достаетъ мясной и питательной пищи, и что они никакимъ образомъ не могутъ добыть ея, вынуждены пить водку. Отсюда становится понятнымъ, почему бѣдные классы народа пристращаются къ спиртнымъ напиткамъ, которые, замедляя процессъ обіѣда веществъ въ организмѣ, замѣняютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и недостатокъ питательныхъ веществъ.

2) *Недостатокъ теплой одежды*.

3) *Холодная и сырая жилища*, также какъ и наружный холодъ, вынуждаютъ бѣдныхъ и худо-одѣтыхъ людей пить спиртные напитки.

«Исчисленныхъ трехъ причинъ—говоритъ авторъ—достаточно для объясненія того, что спиртъ, несмотря на свою несомнѣнную ядовитость, съ охотою и жадностью потребляется немалымъ классомъ людей; эта жадность, хотя съ великимъ вредомъ для организма, замѣняетъ бѣднякамъ недостатокъ пищи, одежды и теплаго сухаго угла».

Моральныя условія со стороны организма, способствующія употребленію снрта, слѣдующія:

1) *Угнетеніе духа.* Чѣмъ болѣе человѣкъ угнетенъ несчастіями, по собственной винѣ, или по стеченію обстоятельствъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ побужденіе употреблять водку, возбуждающее наркотическое свойство которой заставляеть его забыть дѣйствительность. Можно смѣло сказать, что въ подобныхъ случаяхъ водка имѣеть на человѣка благотворное вліяніе.

2) *Желаніе развлеченія.* Люди, проработавшіе непрерывно шесть дней въ теченіе недѣли, ищутъ общества, которое извлекаеть ихъ изъ обыкновеннаго круга ежедневныхъ, болшею частью невеселыхъ мыслей; это общество для бѣднаго класса людей находится въ кабакахъ и харчевняхъ, куда многіе приходятъ единственно съ цѣлю развлеченія и свиданія съ знакомыми, и большая часть изъ нихъ не желала бы употреблять спиртные напитки, но употребляетъ ихъ въ силу того, что всѣ посѣтители пьютъ и что трудно вести бесѣду, не угощаясь чѣмъ нибудь, а это угощеніе всегда спиртные напитки.

И такъ, со стороны организма есть условія, влекущія къ употребленію и злоупотребленію спиртныхъ напитковъ, и пока эти условія будутъ существовать, до тѣхъ поръ низшія и бѣдные классы народа будутъ стремиться къ употребленію ихъ. Никакія проповѣди о вредѣ пьянства, никакія общества трезвости, не остановятъ бѣдняковъ отъ губящаго ихъ порока, до тѣхъ поръ, пока не будутъ уничтожены физическія и моральныя условія, заставляющія бѣдняковъ прибѣгать къ спиртнымъ напиткамъ, замѣняющимъ для нихъ недостатокъ питательной пищи, недостатокъ одежды, теплаго и сухаго угла, заставляющій ихъ забывать несчастія, поднимающій ихъ угнетенный духъ, и доставляющій развлеченіе въ часы досуга. Сначала слѣдуетъ уничтожить источникъ бѣдности и невѣжества, а затѣмъ уже позаботиться объ уничтоженіи пьянства.

Обращаясь къ разбору тѣхъ причинъ и условій, которыя способствуютъ въ военномъ быту къ употребленію, и часто даже къ злоупотребленію, спиртныхъ напитковъ, авторъ замѣчаетъ, что причины физическія со стороны организма, какъ-то недостатокъ питательной пищи, одежды и здороваго жилища, очевидно непримѣнимы къ военному сословію: каждый солдатъ, при сравнительно меньшихъ трудахъ и болшемъ отдыхѣ, пользуется круглый годъ ежедневно свѣжею, горячею, удобоваримою и болѣе или менѣе питательною пищею, получаемою два раза въ день, и еще съ тѣмъ важнымъ удобствомъ, что онъ на приготовленіе ея не тратитъ ни минуты времени и не

прилагаетъ ни малѣйшей заботы о томъ, какъ бы выгоднѣе и удобнѣе достать съѣстные припасы, топливо и проч.; словомъ, солдатъ незнакомъ съ двойною нуждою, которая такъ тяготитъ бѣдняковъ: достать деньги на пищу, а потомъ съумѣть ее приготовить, при самыхъ умѣренныхъ расходахъ.

Одежду и обувь солдаты получаютъ въ такомъ количествѣ, что не могутъ терпѣть въ ней недостатка, и если прилагаютъ долю заботы въ этомъ отношеніи, то только такую, чтобы приобрести для себя вещи, составляющія больше комфортъ гардероба, нежели пасущую потребность: сюда относятся приобретение ситцевыхъ шеголеватыхъ рубашекъ, красиваго полусубка, лишней пары сапоговъ и проч. Жилища солдатъ, какъ бы ни были невыгодны въ гигиеническомъ отношеніи, все-таки неизмѣримо удобнѣе и лучше жилищъ бѣднаго класса людей, которые, живя въ курныхъ избахъ или въ сырыхъ и холодныхъ углахъ, должны прилагать немалую заботу объ отопляваніи ихъ.

И такъ, физическихъ условій къ употребленію спиртныхъ напитковъ, со стороны организма, не существуетъ въ военномъ быту. Нѣтъ сомнѣнія, что и солдаты иногда, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, терпятъ голодъ, несутъ непосильный, изнуряющій трудъ, и подвергаются продолжительному дѣйствию холода и сырости, при угнетенномъ духѣ, т. е. подвергаются такимъ неблагоприятнымъ условіямъ, въ которыхъ проводятъ большую часть жизни бѣдные классы общества: въ такихъ обстоятельствахъ употребленіе спиртныхъ напитковъ составляетъ *необходимость*, поддерживающую силы тѣла и духа, и чарка водки служитъ надежнымъ, предохраняющимъ отъ многихъ болѣзней, лекарствомъ.

Обращаясь къ разбору моральныхъ, со стороны организма, условій, заставляющихъ человѣка употреблять спиртные напитки, авторъ напоминаетъ, что они заключаются въ угнетеніи духа и желаніи развлеченій, столь присущихъ каждому человѣку.

«Невозможно отрицать», говоритъ онъ, «того факта, что у солдата, пока онъ на службѣ, духовная сторона находится постоянно въ большемъ или меньшемъ угнетеніи, несмотря даже и на силу привычки, которая способна примирить человѣка со всякимъ положеніемъ.

«Угнетеніе это обусловлено двумя, очень важными обстоятельствами, составляющими необходимую принадлежность военной службы. Эти обстоятельства суть: 1) подчиненіе воли солдата другому, что составляетъ необходимую принадлежность дисциплины, и 2) обяза-

тельный и, большею частью, непрерывный, повторяющийся изо-дня въ день, почти круглый годъ, трудъ.

«Эти двѣ причины, конечно, могутъ вліять неблагопріятно на духовную сторону человѣка, и заставить его, до нѣкоторой степени, пристраститься къ употребленію спиртныхъ напитковъ; но сумма этихъ двухъ обстоятельствъ совершенно ничтожна въ произведеніи пьянства, въ сравненіи съ матеріальною нуждою, и очень легко устраняется правильно-устроенными, возвышающими духъ развлеченіями. Желаніе развлеченій въ военномъ сословіи развито гораздо больше, нежели гдѣ либо, по совершенно понятной причинѣ: солдатъ, пока онъ въ казармахъ, пока онъ на службѣ, не можетъ вполне располагать своею волею и своими желаніями, а трудъ его, какъ бы онъ полезенъ ни былъ, все-таки, въ глазахъ его, трудъ невольный, обязательный. Вотъ эти причины и заставляютъ солдата, когда онъ совершенно свободенъ, искать возможности, хоть изрѣдка, на очень короткое время, принадлежать вполне самому себѣ; это желаніе, со стороны живаго человѣка, столь законно, что воспрепятствовать ему крайне негуманно, да и не въ предѣлахъ разумной возможности.

«Всѣ развлеченія внутри казармъ ограничиваются разными играми, при которыхъ развивается больше физическая, нежели моральная сторона. Чтеніе доступно только для меньшей половины (*), и охота къ полезному чтенію очень мало еще развита между нижними чинами. Столовая комната, гдѣ бы могли нижніе чины пить чай и вести бесѣду, очень плохо устроена, и притомъ не всегда представляется возможность пить чай, за недостаткомъ кипятку.

Итакъ, солдаты, отчасти поневолѣ, должны искать развлеченія внѣ казармъ, и находятъ его въ кабакахъ и харчевняхъ, гдѣ на первомъ планѣ спиртные напитки, и, уже подъ вліяніемъ ихъ, бесѣда съ товарищами и знакомыми, ведущая часто къ неудовольствію, ссорамъ, дракамъ и проч.»

Изъ разбора разныхъ причинъ, возбуждающихъ въ солдатахъ страсть къ употребленію спиртныхъ напитковъ, видно, что только послѣдняя, и то косвеннымъ образомъ, располагаетъ къ употребленію спиртныхъ напитковъ; остальные же или не существуютъ въ солдатскомъ быту, или легко устранимы, не исключая даже и упомянутой выше, если развлеченія для солдатъ будутъ устроены правильно, сообразно со степенью ихъ развитости и душевныхъ наклонностей.

(*) Изъ 680, 266 чел. было совершенно безграмотныхъ, въ 1867 г., 347, 173 чел. Ежегодникъ 1869 г.

Поэтому рождается невольный вопросъ: нужна-ли солдату водка въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ количествѣ, въ какомъ она употребляется, въ настоящее время, въ арміи? На этотъ вопросъ можно положительно отвѣчать, что спиртные напитки для арміи, при ея матеріальномъ довольствѣ, рѣшительно ненужны въ такомъ количествѣ, въ какомъ они употребляются въ настоящее время, и что пьянство между солдатами легко искоренить именно потому, что оно кроется не въ причинахъ трудно-устраняемыхъ, каковы недостатокъ пищи, теплой одежды, теплаго угла и проч., а въ недостаткѣ разумныхъ мѣръ противъ этого зла, въ недостаткѣ приличныхъ развлеченій и въ ко-свенномъ покровительствѣ употребленія спиртныхъ напитковъ раз-дачею въ награду за труды и службу винныхъ порцій. Было бы крайне несправедливо утверждать, что умѣренное и разумное употреб-леніе водки вредно; напротивъ, чрезмѣрно утомленному, промокшему и прозябшему солдату, чарка водки передъ самымъ обѣдомъ служить незамѣнимымъ предохраняющимъ лекарствомъ, и винная порція, для людей, долгое время находящихся подъ вліяніемъ угнетающихъ душу обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, въ осажденныхъ непріателемъ крѣпостяхъ, и въ прочихъ военныхъ невзгодахъ, есть незамѣнимое, поддерживающее бодрость духа, средство. И, наконецъ, нельзя отвер-гать также, что сильно-гнетущее горе, подъ вліяніемъ умѣреннаго количества вина, становится сноснѣе. Вотъ всѣ случаи, гдѣ употребле-ніе вина, и притомъ умѣренное, необходимо и очень полезно.

Итакъ, сильное утомленіе тѣла, случайный недостатокъ пищи и угнетающія душу страсти, а также сырость и холодъ, составляютъ истинную потребность въ спиртныхъ напиткахъ, для людей военнаго званія, и отказывать въ нихъ въ этихъ случаяхъ — дѣло рискованное для здоровья солдатъ.

Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, спиртные напитки составляютъ *вредную прихоть*, и столько же нужны для здороваго, сытаго, тепло одѣтаго и живущаго въ теплыхъ комнатахъ солдата, сколько нужно вуреніе опиума или употребленіе дурмана и другихъ возбуждающихъ ядовъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что военная гигиена не только не возстаетъ противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но даже со-вѣтуетъ какъ превосходнѣйшее, укрѣпляющее тѣло и душу, средство, умѣренное употребленіе ихъ.

Опираясь на вышесказанномъ, авторъ указываетъ на тѣ средства, съ помощію которыхъ можно значительно ослабить наклонность къ злоупотребленію спиртныхъ напитковъ въ войскахъ, и въ особен-

ности обращаетъ вниманіе на *улучшеніе способовъ развлеченія между нижними чинами*. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, до какой степени важно введеніе въ войска читаленъ, покупка книгъ, поощреніе грамотности и доставленіе нижнимъ чинамъ различныхъ развлеченій: вечеровъ, бесѣдъ, спектаклей; это дѣло пойдетъ само собою при развитіи грамотности и при благородномъ поощреніи его начальствомъ (*).

Второе средство, предлагаемое авторомъ, есть *замена спиртныхъ напитковъ* другими, болѣе безвредными, каковы чай и пиво. Для употребленія перваго необходимо доставить всѣ удобства, какъ то: устройство чайныхъ лавокъ внутри казармъ или вблизи оныхъ, устройство на кухняхъ кубовъ съ кипяткомъ, для доставленія возможности пить чай въ своихъ комнатахъ, устройство столовыхъ и проч. Въ большіе праздники, особенно на танцевальныхъ вечерахъ, дозволить употреблять пиво.

Наконецъ авторъ совѣтуетъ заведеніе въ войскахъ *обществъ воздержанія* (но не трезвости). Авторъ увѣренъ въ успѣхъ такихъ обществъ, потому что и въ настоящее время есть солдаты, которые, несмотря на принудительный характеръ употребленія водки, во всю свою долготѣльную службу не употребляли вовсе крѣпкихъ напитковъ. Въ такимъ лицамъ, при содѣйствіи начальства, примкнуть много молодыхъ солдатъ, пьющихъ изъ подражанія другимъ, а потомъ дѣло пойдетъ само собою. Чарочныя деньги могутъ идти на покупку чая, угощенія и прочее.

Не отдавая предпочтенія ни одному изъ этихъ средствъ, мы полагаемъ, что совокупное дѣйствіе ихъ, вмѣстѣ съ улучшеннымъ содержаніемъ и умственнымъ развитіемъ солдата, приведутъ къ надлежащей цѣли.

Засянь авторъ рассматриваетъ гигиеническое значеніе различныхъ тѣлодвиженій: хожденія, бѣгання, гимнастики, фехтованія, плаванія, верховой ѣзды и т. п., и дѣлаетъ краткую характеристику похода, въ которой даются нѣкоторыя наставленія, облегчающія маршъ и предупреждающія болѣзни. Нельзя не пожелать, чтобы эта важная часть солдатской службы была подробнѣе разработана съ гигиенической точки зрѣнія; то же можно сказать и о краткихъ замѣткахъ о положеніи войскъ при осадѣ и защитѣ крѣпостей и предъ вступленіемъ въ бой.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ *частной жизни* помѣщены свѣдѣнія

(*) Нельзя только согласиться съ авторомъ въ томъ, чтобы производить нижнихъ чиновъ въ унтеръ-офицерское званіе за успѣхи въ грамотности. Для того, чтобы умѣть управлять людьми, что сопряжено съ званіемъ унтеръ-офицера, недостаточно одной грамотности.

о *моральныхъ условіяхъ здоровья*. Заглавіе это не вполне соотвѣтствуетъ содержанію, ибо въ этотъ отдѣлъ входятъ такіе предметы, которые не касаются прямо моральной стороны человѣка, какъ, напримѣръ, сонъ и отдыхъ; въ этомъ отдѣлѣ говорится объ образѣ жизни и о такомъ распредѣленіи времени солдата, вслѣдствіе котораго укрѣпляется здоровье и развиваются *всѣ* его способности.

При разсмотрѣніи человѣческаго организма съ этой точки зрѣнія оказывается, что *разнообразіе* занятій и упражненій составляетъ для него совершенную необходимость. Извѣстно, что однообразныя занятія, какъ бы они ни были здоровы сами по себѣ, приводятъ организмъ къ ослабленію и, при упорномъ продолженіи ихъ, даже къ преждевременной смерти, причемъ случается такъ, что чрезмерно упражняемый органъ, напоследокъ, отказывается совсѣмъ отъ работы: при *исключительномъ* занятіи умственнымъ трудомъ, можно придти къ идиотизму, а при физическомъ — къ ослабленію силъ. Въ этомъ случаѣ, инстинктъ указываетъ обыкновенно самъ необходимость разнообразія: человѣкъ невольно чувствуетъ наклонность дать своей дѣятельности другое направленіе, оставить прежде напряженныя силы въ бездѣйствіи, послѣ усміяі чувствуетъ неодолимое влеченіе къ неподвижности, ощущаетъ усталость и даже сонливость. Всѣ эти ощущенія, переведенныя на разговорный языкъ, сосредоточиваются въ необходимости *развлеченія и отдыха*. Вотъ что говорить объ этомъ предметѣ г. Кедровъ:.... «Человѣческая жизнь есть непрерывная цѣпь, въ которой трудъ, напряженія и заботы смѣняются тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе пріятнымъ, ощущеніемъ, радостями, отдохновеніемъ тѣла и сномъ. Очевидно, что природа недаромъ дала намъ наклонность къ отдыху и развлеченіямъ, удовлетвореніе которой столь же необходимо, какъ удовлетвореніе аппетита и другихъ естественныхъ потребностей». Чѣмъ правильнѣе отдыхъ, чѣмъ разнообразнѣе развлеченія, тѣмъ они благодѣтельнѣе; но, само собою разумѣется, что развлеченія не должны быть такого свойства, чтобы отъ нихъ портилась нравственность или получались дурныя привычки; надо, чтобы при развлеченіяхъ здоровье не портилось и человѣкъ не отлучался отъ серьезной и производительной работы.

Далѣе авторъ замѣчаетъ, что все сказанное вообще о человѣкѣ въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ солдату, и еще тѣмъ болѣе, что служба, какъ бы она разумна и разнообразна ни была, все-таки служба обязательная, трудъ подневольный, что, какъ извѣстно, всегда ложится болѣе или менѣе тяжелымъ бременемъ на свободной волѣ человѣка. Авторъ утверждаетъ, и нельзя не согласиться съ его

миѣніемъ, что только съ введеніемъ полезныхъ и невинныхъ удовольствій и, прибавимъ, съ развитіемъ образованія и грамотности, можно надѣяться подавить въ войскахъ влеченіе къ грубымъ наслажденіямъ, каковы пьянство, развратъ и азартныя игры. Затѣмъ авторъ указываетъ на развлеченія, о которыхъ говорено было выше.

Замѣтимъ, что начальствующимъ лицамъ во всѣхъ этихъ развлеченіяхъ слѣдуетъ принимать участіе съ большою осторожностью: слѣдуетъ лишь направлять солдатскую дѣятельность и предпримчивость, оставляя подробности въ ихъ полномъ распоряженіи; въ противномъ случаѣ, развлеченіе легко можетъ обратиться въ стучную монотонную обязанность.

Въ концѣ книги, какъ замѣчено было выше, находится прибавленіе къ военной гигиенѣ, содержащее въ себѣ множество полезныхъ свѣдѣній касательно первоначальной помощи раненымъ, понятіе о главнѣйшихъ наружныхъ и внутреннихъ болѣзняхъ и способахъ ихъ леченія, о походной малой аптекѣ и о дѣйствіи на организмъ человека нѣкоторыхъ простыхъ лекарствъ. Всѣ эти свѣдѣнія полезны не только для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, но и для нижнихъ чиновъ, которымъ весьма часто можетъ случиться дѣйствовать самостоятельно. Весьма часто случается, что нижніе чины, даже и въ мирное время, съ опасностью жизни бросаются въ огонь и воду для спасенія погибающихъ и, забавивъ ихъ отъ опасности, не знаютъ что дѣлать съ пострадавшими, находящимися въ состояніи удушенія или обморока—состояніи переходящемъ въ смерть, въ случаѣ недоставленія пособій, болшему частію самыхъ простыхъ и всегда выполняемыхъ. Еще болѣе необходимы эти свѣдѣнія въ военное время. Но приобрѣтеніе ихъ солдатами изъ книги, при низкомъ развитіи понятій солдата, врядъ ли будетъ возможно; эти свѣдѣнія, какъ и многія другія чисто-практическія дѣйствія, гораздо лучше преподадутся солдату *показомъ*, а не *рассказомъ*. Офицеру они совершенно необходимы.

Изъ краткаго обзора книги г. Кедрова видно, какія въ ней заключаются интересныя и даже, можно сказать, необходимыя для каждаго военного человѣка свѣдѣнія. Принимая въ соображеніе значительное число гравированныхъ рисунковъ, находящихся въ текстѣ (42), цѣна, назначенная авторомъ, 1 руб. 50 коп., недорого и книга будетъ доступна каждому офицеру.

Остается пожелать полнаго успѣха этому первому опыту изслѣдованія о сохраненіи *солдатскаго* здоровья.

* * *